

**Социологический институт РАН –
филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ РОССИЙСКИХ
РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА
(100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ)**

ПРОГРАММА

**THE SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN
REVOLUTIONS OF 1917**

CONFERENCE PROGRAM

Санкт-Петербург
2-3 ноября 2017 г.

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Владимир Вячеславович Козловский / Vladimir Kozlovskiy
(Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский
государственный университет)

Члены оргкомитета:

Руслан Геннадьевич Браславский / Ruslan Braslavskiy
(Социологический институт РАН)

Александр Владимирович Дука / Alexander Duka
(Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский
государственный университет)

Ольга Вячеславовна Сергеева / Olga Sergeeva
(Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН)

*Проводится при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
грант № 17-03-14097 и
Федерального агентства научных организаций*

2 ноября	Утренняя сессия 10:00 – 12:30	Пленарное заседание Конференц-зал Леонтьевского центра (2 этаж)	
		Обед / Lunch : 12:30 – 13:30	
	Дневная сессия 13:30 – 16:00	Научно-образовательный центр Секция 1. Социальные предпосылки и теоретические контексты российской революции / Social pre-conditions and theoretical contexts of the Russian revolution	Зал заседаний ученого совета (каб. 528) Секция 3. Элиты и вожди российской революции / Elites and Leaders in the Russian Revolution of 1917
		Кофе-брейк / Coffee Break: 16:00 – 16:30	
Вечерняя сессия 16:30 – 19:00	Научно-образовательный центр Секция 2. Социальные предпосылки и теоретические контексты российской революции / Social pre-conditions and theoretical contexts of the Russian revolution	Зал заседаний ученого совета (каб. 528) Секция 4. Революционная смена социальных порядков / Revolutionary Change of Social Order	
3 ноября	Утренняя сессия 10:00 – 12:30	Научно-образовательный центр Секция 2. Память о революции в России и мире / Memory of the Revolution in Russia and in the world	Зал заседаний ученого совета (каб. 528) Секция 2. Послереволюционная урбанизация и жизнь горожан в XX в. // Soviet Urbanization and Urban Culture in the XX Century
		Обед / Lunch: 12:30 – 13:30	
	Дневная сессия 13:30 – 16:00	Научно-образовательный центр Секция 2. Культурные ориентации и массовое сознание в революционной России / Cultural Orientations and Public Opinion in Revolutionary Russia	Зал заседаний ученого совета (каб. 528) Секция 2. Цивилизационные последствия российской революции / Civilizational Effects of the Russian Revolution of 1917
	Вечерняя сессия 16:30 – 19:00	Научно-образовательный центр Секция 2. Культурные ориентации и массовое сознание в революционной России / Cultural Orientations and Public Opinion in Revolutionary Russia	Зал заседаний ученого совета (каб. 528) Секция 2. Цивилизационные последствия российской революции / Civilizational Effects of the Russian Revolution of 1917
Заккрытие конференции 19:15 – 21:00			

Адрес проведения конференции: улица 7-я Красноармейская, д. 25/14 Социологический институт РАН

2 ноября
9:30 – 10:00
Регистрация участников

Утренняя сессия
10:00 – 12:30
Пленарное заседание

Ведущий:

Александр Владимирович Дука / Alexander Duka
(Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский
государственный университет)

Доклады:

Владимир Вячеславович Козловский / Vladimir Kozlovskiy
(Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский
государственный университет)

**Российские революции 1917 года: цивилизационный срыв
и/или прорыв**

Борис Николаевич Миронов / Boris Mironov
(Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-
Петербургский государственный университет)

**Российская революция 1917 года как самоисполнившееся
пророчество**

Марина Васильевна Ломоносова / Marina Lomonosova
(Санкт-Петербургский государственный университет)

**Революция как фактор социальной справедливости в
научном наследии П. Сорокина: от "Социологии революции"
(1925) к "Американской сексуальной революции" (1956)**

Маркку Кангаспуро / Markku Kangaspuuro
(Университет Хельсинки)

**Что пошло не так? Институциональные изменения конца
20х-начала 30х гг. в СССР как основа сталинизма**

Обед 12:30 – 13:30

2 ноября
Дневная сессия
13:30 – 16:00

Секция 1: **Социальные предпосылки и теоретические
контексты российской революции /**

Social pre-conditions and theoretical contexts of the Russian revolution

Ведущий: Руслан Геннадьевич Браславский / Ruslan Braslavskiy
(Социологический институт РАН)

Марина Владимировна Гаврилова / Marina Gavrilova
(Санкт-Петербургский государственный институт кино и
телевидения)

**«Штурмовой сигнал» революции: выступление
П.Н. Милюкова 1 (14) ноября 1916 года в Государственной
думе**

Павел Алексеевич Гурьянов / Pavel Gurianov
(Санкт-Петербургский университет технологий управления и
экономики)

**Экономические предпосылки революций 1917 года: уроки
истории**

Светлана Владимировна Лурье / Svetlana Lurie
(Социологический институт РАН)

**Община и революция: как созревали предпосылки
катастрофы в крестьянской среде**

Жэньхэнь Чэнь / Jenheng Chen
(Государственный Чао Тунь университет)

**Историк и революция: идеология историка С.Ф.Платонова
как парадигма русской интеллигенции**

Константин Андреевич Тарасов / Konstantin Tarasov
(Санкт-Петербургский институт истории РАН,)

**«Отрицательная селекция» как фактор революционного
кризиса в Петроградском гарнизоне в 1917 году**

Надия Рафхидовна Исхакова / Nadiya Iskhakova
Александр Юрьевич Варсегов / Alexandr Varsegov
(Университет управления «ТИСБИ»)

**Первая мировая война как фактор развития революционных
событий 1917 года**

Кофе-брейк 16:00 – 16:30

2 ноября
Дневная сессия
13:30 – 16:00

Секция 3: **Элиты и вожди российской революции /**
Elites and Leaders in the Russian revolution of 1917

Ведущий: Александр Владимирович Дука / Alexander Duka
(Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский
государственный университет)

Андрей Олегович Зиновьев / Andrey Zinoviev
(Санкт-Петербургский государственный университет)
**Революция и тирания: соотношение идей и личностей в
русской революции 1917 года**

Каролина Блечарзик / Karolina Blecharczyk
(Ягеллонский университет)
Корни фанатизма. Вопрос Феликса Дзержинского

Наталья Владимировна Колесник / Natalya Kolesnik
(Социологический институт РАН)
**Биография политического лидера и коллективная память:
особенности воспроизводства**

Татьяна Николаевна Литвинова / Tatiana Litvinova
(Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России)
**Политическая институционализация и борьба элит на
Северном Кавказе в период революций 1917 г. и Гражданской
войны**

Александр Владимирович Дука / Alexander Duka
(Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский
государственный университет)
Год без элиты

Александр Васильевич Павроз / Alexander Pavrov
(Санкт-Петербургский государственный университет)
**Российские революции 1917-го года и проблемы
формирования демократии в России**

Кофе-брейк
16:00 – 16:30

2 ноября
Вечерняя сессия
16:30 – 19:00

Секция 2: **Социальные предпосылки и теоретические контексты российской революции /**
Social pre-conditions and theoretical contexts of the Russian revolution

Ведущий: Михаил Валентинович Масловский / Mikhail Maslovskiy
(Социологический институт РАН)

Миколай Банашкевич / Mikolaj Banaszkiwicz
(Ягеллонский университет)

Русский либерализм эпохи великих реформ в зеркале Октябрьской революции

Виктор Александрович Куприянов / Victor Kupriyanov
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Критика революции в русском либерализме XIX века

Николай Александрович Головин / Nikolay Golovin
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Социолог Макс Вебер о революциях, войне и демократии: статьи и письма 1905-1920-х годов

Михаил Валентинович Масловский / Mikhail Maslovskiy
(Социологический институт РАН)

Невеберрианские и поствеберрианские подходы в социологии революции

Кирилл Анатольевич Гусев / Kirill Goosev
(Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна)

Социал-либеральные, демократические, общегуманистические идеи в левой общественной мысли и практике

Дмитрий Юрьевич Карасев / Dmitry Karasev
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Культурный поворот в исследованиях революции 1917 г.

2 ноября
Вечерняя сессия
16:30 – 19:00

Секция 4: **Революционная смена социальных порядков /**
Revolutionary Change of Social Order

Ведущий: Святослав Станиславович Бразевич / Svyatoslav Brazevich
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Сергей Михайлович Елисеев / Sergey Eliseev
(Санкт-Петербургский государственный университет)
Хаос революции и становление нового социального порядка

Йорн Кноблех / Jörn Knobloch
(Университет Потсдама)
Две неудачные революции и одна успешная – республиканские опыты России и Германии

Улдис Креслиньш / Uldis Krēsliņš
(Институт истории Латвии при Латвийском университете)
Механизмы продвижения политических решений как выражения «воли общества»: опыт Латвии в 1917 году

Любовь Николаевна Лисенкова / Lyubov Lisenkova
(Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет)
Революция 1917 года: был ли неизбежен октябрьский финал (по материалам эмигрантской мемуаристики)

Святослав Станиславович Бразевич / Svyatoslav Brazevich
(Санкт-Петербургский государственный университет)
Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как форма политического террора в Советской России в первые послереволюционные годы

3 ноября
Утренняя сессия
10:00 – 12:30

Секция 5: **Память о революции в России и мире /**
Memory of the revolution in Russia and in the world

Ведущий: Мария Георгиевна Мацкевич / Maria Matskevich
(*Социологический институт РАН*)

Гульшат Кулумжановна Уразалиева / Gulshat Urazalieva
(*Российский государственный гуманитарный университет*)

Революции 1917 года глазами современных студентов-москвичей

Надежда Алексеевна Белякова / Nadezhda Beliakova
(*Институт всеобщей истории РАН, Национальный исследовательский ядерный университет*)

Вера Павловна Ключева / Vera Klyueva
(*Институт проблем освоения Севера СО РАН*)

Осмысление революции 1917 г. в среде евангельского сообщества России и СССР

Мария Георгиевна Мацкевич / Maria Matskevich
(*Социологический институт РАН*)

Память о революции 1917 г.: кто и как помнит?

Николай Иванович Карбаинов / Nikolay Karbainov
(*Социологический институт РАН*)

Образы революционных событий 1917-1920 гг. в постсоветском Татарстане: элитарный дискурс и массовые представления

Сергей Александрович Ребров / Sergey Rebrov
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

Российские революции в контексте трансформаций символической политики

Обед 12:30 – 13:30

3 ноября
Утренняя сессия
10:00 – 12:30

Секция 6: **Послереволюционная урбанизация и жизнь горожан в XX веке** / Soviet Urbanization and Urban Culture in the XX Century

Ведущий: Галина Васильевна Еремичева / Galina Eremicheva
(Социологический институт РАН)

Анастасия Сергеевна Курилова / Anastassia Kurilova
Дмитрий Карлович Тихазе / Dmitry Tikhaze
(Российский университет дружбы народов)

Наследие послереволюционной советской жилой архитектуры первой половины XX века: опыт социологического анализа

Светлана Николаевна Игнатова / Svetlana Ignatova
Олег Борисович Божков / Oleg Bozhkov
(Социологический институт РАН)

Сто лет трансформаций «жилищных биографий»

Галина Васильевна Еремичева / Galina Eremicheva
(Социологический институт РАН)

Социальное планирование регионально-городского развития как составляющая строительства социализма в СССР и его перспективы в пореформенной России

Зинаида Рузвиновна Гафурова / Zinaida Gafurova
(Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»)

Послереволюционное решение жилищного вопроса в советской России в 1920-х годах и его отражение в отечественном кинематографе той эпохи

Михаил Константинович Мусафиров / Mikhail Musafirov
(ГАПОУ «Орский индустриальный колледж»)

Система внешкольного воспитания как послереволюционная новация

Олег Юрьевич Латышев / Oleg Latyshev
(Маршинская галерея им. М.Д. Шаповаленко)

Постреволюционные изменения в жизни представителей социально незащищённых слоёв населения России

Обед 12:30 – 13:30

3 ноября
Дневная сессия
13:30 – 16:00

Секция 7: **Культурные ориентации и массовое сознание в
революционной России /**

Cultural Orientations and Public Opinion in revolutionary Russia

Ведущий: Ольга Георгиевна Филатова / Olga Filatova
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Алла Владимировна Корниенко / Alla Kornienko
(Социологический институт РАН)

**Язык революционной эпохи как инструмент социальной
власти**

Надежда Андреевна Зиновьева / Nadezhda Zinovyeva
(Социологический институт РАН)

**Социальные условия возникновения и художественные
особенности политической плакатной агитации в год двух
революций**

Екатерина Александровна Орех / Ekaterina Orekh
(Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН)

Ольга Юрьевна Бойцова / Olga Boytsova
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН)

**Революция и Гражданская война в детских рисунках 1917-
1918 гг.: социологическая рефлексия (на примере коллекции
В.С. Воронова из фонда ГИМ)**

Ольга Вячеславовна Сергеева / Olga Sergeyeva
(Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт Российской академии наук)

**Герой и враг на «красных» и «белых» плакатах эпохи
Гражданской войны в России**

Ольга Георгиевна Филатова / Olga Filatova
Алена Тарасова / Alena Tarasova

(Санкт-Петербургский государственный университет)

**Содержание российских печатных СМИ 1917-1922 гг как
фактор формирования новой политической культуры**

Кофе-брейк 16.00-16.30

3 ноября
Дневная сессия
13:30 – 16:00

Секция 8: **Цивилизационные последствия российской революции** / *Civilizational Effects of the Russian Revolution of 1917*

Ведущий: Руслан Геннадьевич Браславский (*Социологический институт РАН*)

Валентина Вячеславовна Комлева / *Valentina Komleva*
(*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*)

Мировая диверсификация после 1917-го года

Лидия Михайловна Злотникова / *Lidiya Zlotnikova*
(*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации*)

Великая Октябрьская революция в контексте трансформаций цивилизационного развития

Татьяна Апанасенко / *Tatiana Apanasenko*
(*Независимый исследователь*)

Ольга Алексеевна Антончева / *Olga Antoncheva*
(*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС*)

Социализация земельной ренты как незавершенный проект социалистической революции

Розалия Семеновна Черепанова / *Rosaliya Cherepanova*
(*Южно-Уральский государственный университет*)

Великая столетняя русская революция

Виктория Сергеевна Кравец / *Kravets Victoria*
(*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*)

Проблемы национально-государственного устройства постсоветского пространства глазами русского эмигрантского сообщества 20-х гг. XX в.

Григорий Львович Тульчинский / *Grigorii Tulchinskii*
(*НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург*)

Буржуазная революция в России: проблема завершения

3 ноября
Вечерняя сессия
16:30 – 19:00

Секция 8: **Цивилизационные последствия российской революции** / Civilizational Effects of the Russian Revolution of 1917

Ведущий: Григорий Львович Тульчинский (*НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург*)

Ли Хунся / Li Hongxia

Тун Хуа / Tong Hua

Лю Гуан / Liu Guang

(*Институт марксизма Пекинского университета физкультуры*)

Великое значение Октябрьской революции для Китая

Ирина Ильинична Елисеева / Irina Eliseeva

Антон Леонидович Дмитриев / Anton Dmitriev

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Становление институтов советской власти (на примере государственной статистики)

Татьяна Юрьевна Шманкевич / Tatiana Shmankevich

(*Социологический институт РАН*)

О контрреволюционности революционного наследия. Феномен советских «революционеров-пятидесятников»

Руслан Геннадьевич Браславский / Ruslan Braslavskiy

(*Социологический институт РАН*)

Цивилизационная перспектива социологического анализа революций

Юлия Викторовна Уханова / Yuliya Ukhanova

Елена Олеговна Смолева / Elena Smoleva

(*Вологодский научный центр Российской академии наук*)

Социальное самочувствие в условиях кризиса: адаптация регионального сообщества к новым условиям

3 ноября
Вечерняя сессия
16:30 – 19:00

Секция 7: **Культурные ориентации и массовое сознание в революционной России /**

Cultural Orientations and Public Opinion in revolutionary Russia

Ведущий: Ольга Вячеславовна Сергеева / Olga Sergeyeva
(Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН)

Елена Валентиновна Николаева / Elena Nikolaeva
(Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство))

Образы революции в рекламном дискурсе конца XX – начала XXI века

Евгения Андреевна Долгова / Evgeniya Dolgova
(Российский государственный гуманитарный университет)

Научное знание в годы революции: о специфике и приоритетах гуманитарного книгоиздания в 1917-1922 гг.

Максим Владимирович Каиль / Maksim Kail'
(Смоленский государственный университет)

Православное сознание пореволюционной эпохи: идентичности и социальные практики провинциального общества

Мария Михайловна Герасимова / Mariia Gerasimova
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Образ ребенка в печатной визуальной культуре времен Гражданской войны в России: возможности фрейд-анализа

Лариса Кангаспуо / Larisa Kangaspuo
(Университет Хельсинки)

Тюрьма и анархия. Пенитенциарные изменения в революционной России

**Заккрытие конференции
19:15 – 21:00**

Татьяна Апанасенко / Tatiana Apanasenko (*apanassenko2008@mail.ru*)
Независимый исследователь, Россия / Independent scientist, Russia

Ольга Антончева / Olga Antoncheva (*antolga2000@mail.ru*)

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия / North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

Социализация земельной ренты как незавершенный проект социалистической революции

Переход земли в такую форму собственности, в которой она служила бы к выгоде того, кто непосредственно трудится на ней, был одним из лозунгов революции. Однако вопрос о том, какой должна быть эта форма собственности, чтобы обеспечить возложенные на нее задачи, оставался открытым даже в теории. Передача земли в частную собственность привела бы через некоторое время к имущественному расслоению и вторичному обезземеливанию определенной их части, что противоречило эгалитарной программе революции. Национализация земли создала того самого коллективного эксплуататора в лице государства, аккумулировавшего прибавочную стоимость, но не спешившего перераспределить ее в пользу обрабатывающих землю, что в конечном итоге привело только к ужесточению их эксплуатации.

Претворение потенциально капитализируемого объекта в общественное достояние всегда представляет собой проблему, поскольку никто еще не изобрел механизм такого претворения в условиях существования прибавочного продукта. Однако в более частном вопросе – претворения земли в общественное достояние путем социализации только земельной ренты – советский социализм частично преуспел. В частности, дифференциальной земельной ренты. Существование абсолютной земельной ренты при социализме ставилась под сомнение из-за неполного отождествления социалистической монополии и монополии классической политэкономии как источника абсолютной ренты. Утратив такое свое завоевание, как социализация дифференциальной земельной ренты с падением социализма, эгалитарный процесс вынужден искать другие варианты, уже в условиях частной собственности на землю. Мы развиваем идеи Генри Джорджа о замене налогов земельной рентой, уплачиваемой государству, и идеи Вильгельма Лексиса об отказе государства от ренты в пользу общества с помощью понижения тарифов.

Land rent socialization as incomplete project of the social revolution

The revolution proclaimed, inter alia, to transfer the ownership of land to those who worked on it for their own benefit. Still, even in theory, it was yet to be defined what kind of ownership was needed to meet its primary objective. After land had been transferred to farmers as private property, it would later lead to social stratification and second wave landlessness of some which would contradict the egalitarian mission of the revolution. Land nationalization gave birth to the notorious collective exploiter represented by the state that got hold of the surplus value but was reluctant to redistribute it to land workers which ended up in a more stringent exploitation of the latter. It is always troublesome, when a capitalizable object is transformed into a public asset because in the context of the surplus product situation, no mechanism of such transformation has ever been developed. Nevertheless, soviet socialism achieved some progress in a more specific issue of transforming land into a public asset via socialized land rent, in particular, via a differential land rent. Since the end of socialism, the egalitarian process has lost its gain of a socialized differential land rent and had to look for other options, this time in the new situation of private land ownership. This brings us to the works of Henry Georges where he suggests replacing taxes by land rent, and to those of Wilhelm Lexis and his idea that the government should eliminate rent for the benefit of the society by reducing tariffs rates.

Русский либерализм эпохи великих реформ в зеркале Октябрьской революции

Стихийные преобразования, которым подверглась Россия в XX столетии, затмевают предшествующие им трансформации эпохи великих реформ (60-е и 70-е гг. XIX в.). Одной из важнейших причин, обуславливающих интерпретационную недооценку модернизации, начатой в годы царствования Александра II (1855-1881), и роли сыгранной умеренными либералами в деле реформ, является безотчетно одобряемая «парадигма 1917 года». Она предлагает оценивать либеральные достижения эпохи великих реформ сквозь призму финального действия истории Российской империи, т.е. Октябрьской революции. Автор доклада полемизирует с этим подходом (фактически инспирированным элементарной логической ошибкой *post hoc ergo propter hoc*) и пытается высвободить русский либерализм второй половины XIX века из интерпретационных оков мнимой исторической необходимости. Концепция исторического детерминизма, развиваемая марксистской историографией, вытесняла на обочину идеи и деятельность либералов. Между тем, именно умеренный либерализм второй половины XIX в., представляемый печатными органами либерального лагеря (ежедневными газетами «Голос», «Санкт-петербургские ведомости», «Русские ведомости», а также журналами «Вестник Европы» и «Русская мысль») стал важной и самостоятельной (хотя, конечно, не доминирующей) политической идеологией, разделяемой значительной частью российского общественного мнения.

Доклад вписывается в рамки новейших исследований по дореволюционной российской политической мысли. Автор доклада ставит перед собой две цели. Во-первых, продемонстрировать методологические изъяны «парадигмы 1917 года» в теоретической плоскости. Во-вторых, показать, что русский либерализм периода великих реформ выработал полноценную программу, как в общественно-политическом, так и социально-экономическом планах. Представляется, что зеркало революции негативизирует образ дореволюционного русского либерализма (по крайней мере, его умеренного крыла). Автор совмещает две научные перспективы: историю идей и социологию общественных перемен. Доклад является частью исследования, поддержанного National Science Centre, Poland (грант UMO-2016/21/D/HS3/02433).

Russian Liberalism of the Great Reforms Era in the Mirror of the October Revolution

A deep transformation of Russia that took place during the Great Reforms Era is usually outshined by dramatic revolutionary events in the XX century. A widely accepted '1917 paradigm' is apparently the most important reason for underestimating of a modernization initiated under the rule of Alexander II and especially of an influence of liberal ideas on a public opinion and of a role played by liberals themselves in the reforms. Instead it suggests judging liberal accomplishments in the Great Reform Era from a perspective of collapse of the Russian Empire (i.e. The October Revolution). The author opposes this point of view as a typical logical fallacy *post hoc ergo propter hoc*. Russian Nineteenth-Century Liberalism should not be underestimated because of supposed necessity of triumph of socialism. One should admit that the former occurred to be an important (though not a dominant one of course) ideology supported by a large portion of public opinion.

The paper follows contemporary trends in research on Russian pre-revolutionary political thought which deny outdated interpretations of historical processes. The author has two goals. First, he is going to show theoretical vulnerability of the „1917 paradigm”. Second, he intends to show that Russian liberalism of the Era of Great Reforms period worked out a coherent programme in both socio-economic and socio-political spheres. The ‘Great October’ clearly doesn’t discredit some real (although modest) liberal achievements even if it had rejected all heritage of the Russian Empire. Thus the mirror of the October Revolution distorts the image of of pre-revolutionary Russian liberalism or at least its moderate angle. The author combines two perspectives: the history of ideas and the sociology of social change. The paper is a part of a research project financed by National Science Centre, Poland (grant UMO-2016/21/D/HS3/02433)

Надежда Белякова / Nadezhda Beliakova (*beliacova@mail.ru*)

ИВИ РАН, НИЯУ МИФИ, Москва, Россия / National Research Nuclear University (MEPhI), Moscow, Russia

Вера Ключева/ Vera Klyueva (*vormpk@gmail.com*)

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия / Institute of the problems of Northern development, Siberian Branch the Russian Academy of Sciences, Tumen, Russia

Осмысление революции 1917 г. в среде евангельского сообщества России и СССР

В докладе рассматривается эволюция восприятия российскими евангеликами (протестантским сообществом, которое объединяет евангельских христиан, баптистов и пятидесятников) революции 1917 года и вызванных ею политических изменений в России. Одним из лозунгов революции было прекращение дискриминации по религиозным, национальным и социальным признакам и предоставление равноправия гражданам, в том числе в вопросах свободы совести. Евангелики оказываются активными участниками конструирования нового мира, они активно презентуют себя в новом политическом пространстве, используя революционную риторику для религиозной проповеди. Революционный процесс крушения старых авторитетов и устоявшейся иерархии затронул и евангельское сообщество, хотя проявился менее ярко, чем в православной среде, где этот процесс получил название «церковной революции». Социальные установки протестантов о праве на свободу совести, наименование своего сообщества братством и утверждение о равенстве и общности людей перед Богом, сближало их с доминирующими в период революции социалистическими концепциями. Распространение в этой среде идей христианского социализма, создание успешных трудовых христианских коммун создало впечатление присутствия евангельских христиан в авангарде социальных преобразований. Основной фокус доклада - в прослеживании эволюции взглядов и отношения протестантов к революционным преобразованиям, определению своего места в «новой жизни» на протяжении всего советского времени. Источниковой базой служат эго-документы: (письма протестантов, написанных в революционный и позднесоветский периоды, проповеди, статьи и нарративы религиозных лидеров); а также журнальные публикации и неопубликованные материалы, посвященные юбилеям революции и советским декретам о свободе совести, созданные уже в 1940-80-е годы.

Reception of the Revolution of 1917 among the evangelical community of Russia and the USSR

The report will consider the evolution of the perception / reception / acceptance of Russian evangelicals (Evangelical Christians, Baptists and Pentecostals) political changes in Russia in 1917. One of the revolutionary demands was the demand to stop discrimination on religious, national and social grounds, and the provision of equal rights to citizens, including freedom of conscience and freedom of worship. Evangelicals were active participants in the construction of the «new world». They are actively presenting themselves in the new political space, using revolutionary rhetoric for religious preaching. The revolutionary process of reforming the religious/spiritual hierarchy took place in the Evangelical community, but was not as strong as the Orthodox community, where this process was called «Orthodox Church revolution». The social attitudes of the Protestants (the right to freedom of conscience, the name of their community by the Brotherhood, the equality of people before God) were close to socialist concepts dominating during the revolution. The ideas of Christian socialism and the success of the labor Christian communes created the impression of the presence of evangelical Christians in the vanguard of social transformations. Criticism of the tsarist system, rejection of the past, anti-Orthodox and anti-monarchical pathos of the Evangelicals was in the trend of populist rhetoric of revolutionary activists. The sources of the report are ego-documents: (letters of Protestants, sermons, articles and narratives of religious leaders); And journal publications and unpublished materials on the jubilees of the revolution and Soviet decrees on freedom of conscience. The main focus of the report will be on the evolution of the views and perceptions of Protestants towards revolutionary changes and the definition of their place in the «new life» throughout the Soviet era. We will examine how the Protestants participated in the political and social changes of 1917 and interpreted the change in social order that took place in Russia, later.

Корни фанатизма. Вопрос Феликса Дзержинского

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877-1926), учредитель советских служб безопасности, ответственный, как считают историки, за политику красного террора, представлял фанатический подход к вопросам социализма. По мнению биографов, прежде чем он стал профессиональным революционером и обратился к марксизму, он был стойким католиком и мечтал о миссионерской деятельности. Страстный подход к католической вере он связывал с концепцией «Христовой милосердия», которое хотел распространять среди как можно большего количества людей. Планы поступить в семинарию не осуществились из-за его внезапного увлечения марксизмом, но под сильным влиянием христианства Дзержинский оставался всю свою жизнь. Считается, что социал-демократы и социалисты часто видели в коммунизме христианские корни. У революционеров происходил духовный конфликт между тоской по религиозному идеалу и материалистическим мировоззрением. Раздвоенное сознание, рождающее личную дезинтеграцию, стало причиной бегства от проблем на уровне личности в сторону общественных проблем. Социальная цель жизни была для революционеров очевидной и всегда первоочередной. Непосредственной причиной этого явления было отсутствие акцептации действительности, а следствием – утопическое мышление: народ вместо Бога, служба и общественный прогресс вместо религии. Этот образ мышления наиболее полно выражает преобразовательную силу социализма – основу Октябрьской революции. Фанатическую самоотдачу идее социализма подчеркивал Дзержинский, называя себя «кровавой собакой революции, прикованной к ней цепью». По собранным материалам, уже как начальник ЧК Дзержинский считал себя преемником «революционной» деятельности Христа: он чувствовал себя настоящим апостолом новой, лучшей, осуществляющей себя на практике версии христианства. Использование религиозных символов для оправдания революции указывает на перенаправление чрезвычайно сильной религиозной энергии Дзержинского на земные цели. На этом основании можно констатировать, что Дзержинский был в своем представлении именно большевистским «Христом революции», потому что принес в жертву как свою жизнь, так и свою совесть. Все для того, чтобы спасти человечество. Стоит заметить, что случай идеологического фанатизма Ф. Дзержинского связан с так называемым периодом «богоискательства» в России, а также течением «богостроительства» внутри партии большевиков.

Origins of fanaticism. Faith issue of Feliks Dzerszhinsky

Feliks Dzierżyński (1877-1926) as creator of Soviet secret service is responsible for thousands of red terror victims represents extremely fanatical approach towards the issue of the socialism. Before he became a revolutionary, he was a very zealous Catholic. He associated fervid devotion to religion and to socialism with conception of Christlike mercy. Hence, in his revolutionary awareness occurred spiritual conflict between religious ideal and the materialistic paradigm that led to misrepresentation of the self- image. Personal disintegration was a reason of the escape from problems on the individual level to the social issues – socialist purpose was for many revolutionaries essential and obvious. This line of thought express disruptive strength of the October revolution: mankind deliverance and the new order on ruins of old world were supposed to take place by way of destruction. It is possible to note that Dzierżyński for himself was Bolshevik «Christ of the revolution», since he sacrificed not only his own life, but also his conscience for mankind salvation. It is worth noting that described amalgamation of the ideological fanaticism with religious devotion is connected to period called in Russia «bogoiskatielstwo», as well as to current «bogostroitelstwo» in Bolshevik party.

Святослав Бразевич / Svyatoslav Brazevich (*brazevichss@bk.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St.Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как форма политического террора в Советской России в первые послереволюционные годы

После Октябрьской революции 1917 г. возникло множество новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которых не знала дореволюционная российская система наказаний. Концентрационные лагеря в Советской России, официально созданные Декретом СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., необходимо рассматривать как одну из форм политической борьбы с потенциальными и реальными противниками, как организованную форму революционного насилия. Для направления людей в концентрационные лагеря не требовалось решение судебных органов. Решения об изоляции граждан в концентрационные лагеря принимались в административном порядке должностными лицами органов Советской власти. В статье анализируется исторический опыт создания и отдельных аспектов деятельности концентрационных лагерей в послереволюционной Советской России. При разнообразии названий лагерей: концентрационные, принудительных работ, особого назначения, суть их оставалась единой: реализация революционного насилия над большими массами людей, не совершавших преступлений против Советской власти. В статье представлены результаты статистической обработки 21 тысячи личных карточек на содержащихся в концентрационных лагерях РСФСР в 1919-1921 гг. Личные карточки дают богатый материал для изучения заключенных в концентрационные лагеря. В них зафиксированы возраст, пол, место рождения, национальность, образование, семейное положение, профессия, социальное положение, принадлежность к общественным организациям, место службы, прежняя судимость. Ценность приведенной сводки данных заключается в том, что она, во-первых, охватывает не одну какую-либо губернию или область, а территорию всей Советской республики и, во-вторых, показана не ведомственная отчетность отдельных органов власти, а суммарная деятельность карательного аппарата Советской власти в целом. Проводится также сравнительный анализ деятельности концентрационных лагерей в системе красного и белого террора.

Historical sociology of revolutionary violence: concentration camps as an organized form of political terror in soviet Russia in first post-revolutionary years

Historical sociology considers the dynamic interaction between human activity and social structure not as an abstract problem, but as an empirical question of world history. In this sense, all sociology can be called historical, because it inevitably refers to changes, processes and development. Concentration camps in Soviet Russia, officially created by the Decree of the Council of People's Commissars «On Red Terror» of September 5, 1918, must be considered as one of the forms of political struggle against potential and real enemies, as an organized form of revolutionary violence. To send people to concentration camps, the decision of the judiciary was not required. Decisions on the isolation of citizens in concentration camps were made administratively by officials of the bodies of Soviet power. The article analyzes the historical experience of creating certain aspects of the activity of concentration camps in post-revolutionary Soviet Russia. With a variety of camp names: concentration, forced labor, special purpose, their essence remained unified: the implementation of revolutionary violence against large masses of people who did not commit crimes against Soviet power. The article presents the results of statistical processing of 21 thousand personal cards on the RSFSR in the concentration camps in 1919-1921. Personal cards give rich material for studying prisoners in concentration camps. They recorded age, sex, place of birth, nationality, education, marital status, profession, social status, membership in public organizations, place of service, previous conviction. The value of this summary is that, firstly, it covers not one province or province but the entire territory of the Soviet Republic and, secondly, it shows the non-departmental reporting of individual authorities, and the total activity of the punitive apparatus of the Soviet Power in general. A comparative analysis of the activity of concentration camps in the system of red and white terror is also conducted.

Марина Гаврилова / Marina Gavrilova (*mvlgavrilova@gmail.com*)

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия / St. Petersburg State Institute of Film and Television, St. Petersburg, Russia

«Штурмовой сигнал» революции: выступление П.Н. Милюкова 1 (14) ноября 1916 года в Государственной думе

В 2017 году в России отмечается 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Это повод для объективной и всесторонней оценки исторического развития русского политического дискурса, воздействия политического слова на общественные настроения. Цель статьи – риторический анализ выступления лидера кадетской партии П.В. Милюкова 1 (14) ноября 1916 года в Государственной думе. Выбор материала обусловлен влиянием этой речи на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции. Это знаменитая речь, вошедшая в хрестоматии по отечественной истории; политическая речь, которую современники называли «штурмовым сигналом» к началу революции (А.С. Резанов), не получила рефлексии в отечественной филологической науке. Кроме того, изучение ораторских и полемических приемов, позволяющих ввести аудиторию в заблуждение и склонить на свою сторону, может прояснить активно обсуждаемые сегодня в публичном пространстве понятия «пост-правда» и «ложные новости».

Автором анализируются контекст коммуникативного события, речевая ситуация восприятия речи, тематическая структура, композиция, коммуникативные стратегии и тактики, особенности аргументации, изобразительно-выразительные средства политической речи.

Мы выяснили, что убеждение и внушение, а не доказывание являлись способами речевого воздействия политика на собравшихся в зале заседания депутатов. Речевая агрессия была направлена на политических соперников и использовалась для защиты личных и групповых политических интересов. Основными коммуникативными стратегиями речи являлись дискредитация противников и повышение личного статуса.

Речевое воздействие осуществлялось при помощи риторических средств привлечения внимания, речевых приемов, помогающих домыслить высказывания оратора, и изобразительно-выразительных средств, усиливающих эмоциональность и выразительность речи.

Какие уроки можно извлечь из анализа речи П.Н.Милюкова и ее влияния на начало революционных действий? Во-первых, нравственная ответственность политика за произнесенное слово, поскольку политическое высказывание и политическое действие тесно взаимосвязаны. Во-вторых, для поступательного развития страны важным является диалогическое общение власти и общества, разъяснение политического курса гражданам, особенно в атмосфере недоверия к представителям власти. В-третьих, важно повышать уровень риторического образования в средней и высшей школах, развивать критическое мышление.

Pavel Milyukov's speech as a call for revolution

In 2017 Russia celebrates the 100th anniversary of the February and October revolutions. It is a cause for an objective and comprehensive assessment of the historical development of Russian political discourse and a research of the impact of political speech on public opinion. Besides, the study of oratorical and polemical techniques, which allow to mislead the audience, can clarify the concepts of post-truth and false news actively discussed today.

The aim of this paper is to analyze a speech by politician Pavel Milyukov on the 14th of November 1916 in State Duma. This famous speech has not been thoroughly investigated in political linguistics. Drawing on discursive analytical approach, linguistic pragmatics and cognitive linguistics we examine the context of a communicative event, the topics, discursive strategies and linguistic devices.

Our findings revealed that a communicative goal of the politician was to criticize the government and accuse the royal family of treason. The paper argues that the main discursive strategies pursuing aim of influence on members of the State Duma were to discredit political rivals and to increase a personal status. It was also shown that certain rhetorical moves of attracting audience attention, special techniques of argumentation and linguistic means, amplifying the emotional and expressive impact of the speech were involved in the discursive construction of political opponents.

Зинаида Гафурова / Zinaida Gafurova (*gafurova@yandex.ru*)

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия / National University of Science and Technology «MISIS»,
Moscow, Russia

Послереволюционное решение жилищного вопроса в советской России в 1920-х годах и его отражение в отечественном кинематографе той эпохи

Для послереволюционной России в 1920-х годах жилищный вопрос был важным социальным вопросом. Результаты его решения оказали большое влияние на развитие российского градостроительства, архитектуры, законодательства в различных сферах, быта и социальной этики. В данном докладе эта тема исследуется с не совсем обычной стороны: каковы были жилищные проблемы во второй половине 1920-х годов в Москве, и как они отразились в отечественном кинематографе той эпохи. В качестве медиа для исследования взяты три известных фильма 1920-х годов: «Девушка с коробкой» (1927), «Дом на Трубной» (1928) и «Третья Мещанская» (1927). Как ни парадоксально, в процессе изучения советских социокультурных реалий указанного времени (в нашем случае – жилищного вопроса) художественные фильмы, являясь визуальным документированием художественной реальности, давали более объективную картину в этом вопросе, чем документальное кино. В указанных фильмах четко представлены основные проблемы послереволюционной советской жилищной политики 1920-х годов: развал жилищного фонда, уплотнение и самоуплотнение жильцов, институт прописки, создание новой системы домоуправления

Housing problem solution in the post-revolutionary Soviet Russia of 1920-s, and its rendering in contemporary cinema

For post-revolutionary Russia of 1920-s the housing problem was one of the most important social questions. The results of its solution had a great impact on the development of the town planning, architecture, legislation system and social ethics. In this paper we would like to investigate this subject from an unusual side – what were the main housing questions in the second half of 1920-s in Moscow and how did they reflect in cinema of at age. As a data of our research we take films: «The girl with the box», «The House on Trubnaya», «Thrid Metshanskaya».

Мария Герасимова / Mariya Gerasimova (*mari2494@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St.Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Образ ребенка в печатной визуальной культуре времен Гражданской войны в России

Доклад посвящен исследованию репрезентации образа ребенка в массовой визуальной культуре России в 1917-1923 годах. Автор анализирует особенности трансляции ценностных установок по отношению к ребенку в российском обществе данного периода на примере трансформации образа ребенка в печатной визуальной культуре. Основное содержание исследования составляет дискурс-анализ визуальных образов ребенка и детства, содержащихся в исследуемых исторических материалах - пропагандистских плакатах, листовках и печатной рекламе.

Для анализа визуально-вербальных документов в данном исследовании применены техники контент-анализа, иконографического анализа изображений и критического анализа дискурса Т.А.Ван Дейка. Совмещение этих техник позволяет произвести комплексное изучение лингвистических и экстралингвистических возможностей пропагандистского или рекламного плаката, листовок и исторических документов подобного типа. Автор уделяет особое внимание рассмотрению языковых и визуальных особенностей материала, оказывающих значительное влияние на восприятие формируемого образа ребенка, на общественные установки и ценностные ориентации по отношению к нему в определенном историческом контексте.

Выводы эмпирического исследования еще раз позволяют нам задаваться исследовательскими вопросами касательно особенностей общественного восприятия ребенка и детства в рамках социологических и культурно-исторических сравнительных исследований. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 "Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник"]

The image of a child in the printed visual culture of the Civil War in Russia

The report is devoted to the study of a child representation in mass visual culture of Russia in 1917-1923. Author analyzes the features of values and attitudes towards a child in Russian society of this period through the transformation of a child image in a printed visual culture. The main content of the work is a discourse analysis of visual images of a child and childhood contained in specific historical materials - propaganda posters, leaflets and printed advertising.

For the analysis of verbal-visual documents were applied the techniques of content-analysis, iconographic analysis and the critical discourse analysis of T.A.Van Dijk. The combination of these techniques allows to study linguistic and extralinguistic possibilities of a propaganda or advertising poster, political leaflets and historical documents of a certain type. Author pays special attention to the consideration of linguistic and visual features of the material, which have a significant influence on the perception of the image of a child, on public attitudes and values in relation to him in a certain historical context.

Conclusions of empirical study once again allow us to ask research questions about the peculiarities of social perception of child and childhood in framework of sociological and cultural-historical comparative studies. [The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-83-01003 "The Civil War in Russia in the images of visual propaganda: a reference book"]

Николай Головин / Nikolay Golovin (*Nikolay.Golovin@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Социолог Макс Вебер о революциях, войне и демократии: статьи и письма 1905-1920-х годов

Классик социологии и известный «россиевед» начала XX века Макс Вебер считал этапы эволюции российского общества поворотными для всемирной истории, ожидал перехода страны к капитализму и демократизации, наряду с марксистами (В.И. Ленин, К. Каутский, О. Бауэр) пытался найти в революциях реализацию своей концепции всемирной истории. Февральская революция (1917) была воспринята Вебером с надеждой на установление капитализма и либеральной демократии в России, но в конечном итоге ситуация двоевластия была признана им «псевдodemократией». Под влиянием хода Первой мировой войны, неблагоприятного для России и Германии, он пришел к выводу о расхождении исторических путей России и Германии по цивилизационной разделительной линии «Запад – Восток». В докладе раскрывается неточная веберовская оценка Октябрьской революции (1917) и большевизма как короткоживущего государственного образования, не соответствующего веберовскому и социал-демократическому тезису о необходимости прохождения обществом всех стадий социальной эволюции. Ленинская теория «слабого звена в цепи капиталистических государств» является, по Веберу, сектантской в марксизме, а привлечение большевиками специалистов к управлению производством и кадровых офицеров в армию как уступку капитализму под давлением технической необходимости управления машинным производством. Рабочий не может сам организовать такое производство, солдату незачем владеть тяжелым вооружением, а профессору – университетом. Сравниваются отношение Вебера к Октябрьской революции в России и к Баварской Советской республике, к революции в Германии (1918-1919) и доказывается влияние Октябрьской революции на эти оценки. Вебер не верил, что большевизм – реальная альтернатива капитализму (как минимум до 1960-х гг.), он заблуждался в прогнозах о его несостоятельности. Однако с учетом исторического опыта XX – XXI веков классик оказался прав: рыночная экономика везде эффективнее плановой, а либеральная демократия везде теснит авторитарные режимы (волны демократизации).

Max Weber on Revolutions, War and Democracy: the Articles and Letters in the Period of 1905-1920s

Max Weber, a classic author, sociologist and famous specialist in Russian studies at the begging of the XX century considered the evolution stages of the Russian society being the turning points for the world history, he was waiting for the country's transition to capitalism and democracy, alongside with the Marxists (V. I. Lenin, K. Kautsky, O. Bauer) he tried to distinguish the realization of his idea concerning the world history in the revolutions. The February Revolution (1917) was perceived by M. Weber with hope for capitalism and liberal democracy development in Russia, but after all, the situation of diarchy (the duality of power) was acknowledged by him as “pseudo-democracy”. Influenced by the WWI, unfavorable both for Russia and Germany, he concluded that the historic paths for Russia and Germany diverged in the civilization line of “The East-The West”. The report discovers not precise Weberian assessment of the October Revolution (1917) and the Bolshevism as a short-lasting governmental structure, not responding to the Weberian and socio-democratic idea of necessity to undergo all the stages of the social evolution. According to M. Weber, Lenin's Theory on “the weakest link in a long chain of capitalist nations” is sectarian in the Marxism, and recruiting professionals to control production and regular soldiers for the army by the Bolsheviks are seen as the concession to the capitalism under the pressure of technical necessity to regulate machine manufacturing. A worker can't organize such a production by himself, a soldier has not necessity to own heavy weapons, and a professor is not a proprietor of a university. The paper presents the comparison of the Weber's attitude to the October Revolution in Russia and and the Munich Soviet Republic of Bavaria, to the Revolution in Germany (1918-1919); the impact of the October Revolution on these assessments is proved. Max Weber did not believe in the Bolshevism being a real alternative to the capitalism. He was mistaken in his forecast of the Bolshevism failure. However, taking into account the historical experience of the XX-XXI centuries the sociologist appeared to be right: the market economy is more efficient than the planned economy everywhere; the liberal democracy oppresses the authoritarian regimes (the Democratic Waves).

Павел Гурьянов / Pavel Gurianov (*pavelgurianov19@gmail.com*)

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия / St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

Экономические предпосылки революций 1917 года: уроки истории

Уровень жизни большинства населения России на протяжении XIX столетия практически не повышался. Годовое потребление русского рабочего за период 1908-1911г. составляло 12,3 пуда муки, 3,7 пуда мяса или рыбы, в то время как в 1775г. потребление составляло 21,6 пуда муки и 13,5 пудов мяса и рыбы. По исследованию А.Рыкачева реальная зарплата каменщиков, маляров и штукатурщиков в 1860г. в Санкт-Петербурге была выше, чем в 1910г. В чем истоки данного положения дел? Реформу 1861г можно назвать реформой наполовину, она создала ряд институциональных барьеров на пути развития Российской Империи. Де факто, крепостничество не было устранено, а появилась его новая форма. В стране была существенная дифференциация населения по доходам и социальным группам. Коэффициент Джини для европейской части России составлял 36,2, а для всей империи 64. При этом даже высшие социальные группы были не однородны, и в них началась активная борьба за ресурсы империи. Такие же настроения были и в низших слоях общества. Высшее образование в стране было платным и очень дорогим. Например, в Московском университете годовая плата за обучение составляла 100 руб. при средней зарплате московского рабочего около 200 руб. В целом же минимальные расходы студента составляли приблизительно 500 руб. в год. Существуют чуть более оптимистические оценки. Только на скромную студенческую жизнь в Москве (без оплаты обучения) уходило минимум 24 руб. 80 коп. (почти 300 руб. в год). Речь шла о мужском образовании, с женским - дела обстояли значительно хуже. Это и множество других причин толкало людей на крайние меры. В результате, существенно увеличивалось число забастовок. В 1885г. их было 26, в 1895г. – 68, в 1898г. – 215, а в 1914г. уже 3534. Фактически началась «война всех против всех», что и привело к очевидному результату – смене системы управления (смене режима), что уже и происходило в других странах до и после 1917 года.

Economic Prerequisites of the Revolutions 1917: the Lessons of History

The paper shows that the standard of living of the majority population over the past 100-150 years, it has not increased. The annual consumption of the Russian worker during the period 1908-1911. was 12.3 pounds of flour, and 3.7 pounds of meat or fish, while in 1775. consumption was 21.6 pounds of flour and 13.5 pounds of meat and fish. Research A. Rykachev real wages of bricklayers, painters in the year 1860. in St. Petersburg was higher than in 1910.

What are the sources of this situation? The reform of 1861 can be called a half-reform, she has created a number of institutional barriers to development of the Russian Empire. De facto feudalism is still here, and there was her new form. Higher power was not capable of the consistent modernizing reforms, because he was interested in meeting the preferences of the noble elite, which could not allow complete the actual destruction of the institution of serfdom.

The country was a significant differentiation of the population by income and social groups. The Gini coefficient for the European part of Russia was 36.2 and for the whole of the Empire 64. However, even the higher social groups were not homogeneous, and they began to happen active struggle for the resources of the Empire. The same sentiment was in the lower strata of society. Higher education in the country was paid and very expensive. For example, at Moscow University annual tuition was 100 rub., while the average salary in Moscow working about 200 rubles. In General the minimum student expenses to be approximately 500 rub. per year. There are a little more optimistic assessments. Only by a modest student life in Moscow (without tuition) took at least 24 rubles and 80 kopecks (the nearly 300 rub a year). It was about men, with women's education fared much worse. This and many other reasons pushed people to extreme measures. As a result, significantly increased the number of strikes. 1885. They were 26, 1895. – 68 in 1898. – 215, and in 1914 already 3534.

Actually started «the war of all against all», which led to the obvious result – change control system (change of regime), what has already happened in other countries before and after 1917.

Кирилл Гусев / Kirill Goosev (*geese@mail.ru*)

Социал-либеральные, демократические, общегуманистические идеи в левой общественной мысли и практике

Следует выйти за рамки формулы «история не терпит сослагательного наклонения». И допустив вариативность, индетерминированность общественно-исторических процессов, рассмотрим имевшую место в России не только в теории, но и в политической практике лево-демократическую альтернативу. Либеральная, либерально-консервативная и неоконсервативная критика левого демократизма за более чем два столетия разработана и аргументирована. Она опирается на классиков, вполне справедливо указывая на опасности коллективизма, подавления личности, безответственность и непостоянство простолюдья. Сложившаяся традиционная отечественная практика, которая сто лет назад проявилось, построена на противостоянии обскурантистской реакции и принимавшей нигилистически-бешеные формы революции. В подобной, объективно-заданной ситуации освободительное движение, как радикальное, так и реформистское, постоянно деконструируется, в чем не вина, а беда, и страны, и искренне любящих страну и народ интеллигентов. Объективно имевший место раскол прогрессивно-освободительного движения – это не борьба марксизма и народничества, революционеров и реформаторов, социалистов и либералов. Переоценка народа и завышенная самооценка объединяли радикалов, использовавших как популистские, так и марксистские идеологемы. Способные к рефлексии образованные разночинцы уходили в умеренно-социалистическую сторону. Таким образом, речь, скорее, идет о противостоянии, признавших необходимость буржуазно-демократических свобод, умеренных социалистов и левых либералов с народнически-популистским радикализмом. В реальной политической практике по ходу революционных кризисов и последующих событий объединение левых либералов с правыми социалистами, которому противостоял блок марксистов-большевиков и народников-эсеров, периодически складывалось. И очевидные провалы российского левого, тоталитарного, и правого, авторитарно-олигархического, социальных экспериментов конца позапрошлого-начала нынешнего столетий заставляют обращаться к тем или иным моделям «третьего пути», демократического социализма, а именно – к меньшевистской, правозерсовской и энесовской программам столетней давности.

Social-liberal, democratic, humane ideas in left social theory & practice

Author criticizes deterministic thesis: «History not assume subjunctive mood». We suppose indeterminism and variation of historical processes. Thus we examine left-democratic alternatives for left totalitarian and right autocratic social experiments. The liberal, liberal-concervative, neoconcervatives criticism of left-democratic ideas after Great French revolution is good studied. The criticism bases on the ancient and medieval political philosophy. They correctly point out risks of the collectivism, suppressions of human rights and the radical equality. Existent negative traditional Russian social practice during revolution period displayed in extreme form. The practice bases on the opposition of the official obscurant reaction and radical revolutionists. In the objective situation the liberal movement as radical so about reformist constantly was deconstructing. The collision is no fault, but the rock of Russia, peoples and intelligence. The objectively existing conflict in the Russian progressive and liberation movement-is not opposition populism against marxism, socialism against liberalism, revolutionaries against reformists. The overstated value of the people revolutionary activity and self-ability from the leadership united the radicals, utilizing as marxism so about populist and revolutionary-democratic ideas. The right socialists are characterized by the ability to a self-analysis and reflection, the correct valuation of Russia and people's problems. Thus, we can say about the conflict between left-liberal and right-socialists, recognizing bourgeois-democratic freedoms, from one side and revolutionary populism from another side. The union of left liberals and right socialists opposed to the alliance of marxists-bolsheviks and the left social-revolutionaries in real political practice during three Revolutions and Civil War.

Евгения Долгова / Evgeniya Dolgova (dolgova-evg@rambler.ru)

Научное знание в годы революции: о специфике и приоритетах гуманитарного книгоиздания в 1917-1922 гг.

В докладе анализируется изменение характера и способов презентации гуманитарного научного знания в первые послереволюционные годы. Выдвигается гипотеза, что публикационная активность ученых-гуманитариев, реализуемая ими, с одной стороны, в условиях бумажного «голода» эпохи Военного коммунизма и, с другой стороны, сциентистской политики большевиков – поддержки научных исследований системой кредитов - приобрела особые, черты. Эта активность отразила ответ гуманитарного сообщества на «мобилизационный вызов» – социально-политический запрос на превращение науки из частного занятия в развитую индустрию. Для решения этой задачи была не только перестроена инфраструктура (так, в книгоиздании частное предпринимательство уступило место новым организационным формам государственного книжного дела), но и изменены тематика (в приоритете у издателей оказались практикоориентированные, прикладные исследования), а также язык научного творчества и формы презентации результатов научного исследования (они должны были стать понятными и доступными для широких слоев населения). Статистический анализ научных публикаций за период 1917-1922 гг. по опубликованным данным Российской центральной книжной палаты позволил охарактеризовать динамику научного книгоиздания, распределение научных публикаций в территориальном (Москва-Петроград-провинция; РСФСР-отколовшиеся территории), дисциплинарном (социальные науки, прикладные науки, точные науки), тематическом (психологические, исторические, философские, экономические, анти/религиозные и пр.), социальном (ведомственные, научные, научно-популярные, учебные, справочные и др.) и некоторых других разрезах, установив тем самым специфику и приоритеты научного книгоиздания в указанный период. На основе данных неопубликованной документации известного издательства «М. и С. Сабашниковы», отложившейся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, исследуется проблема адаптации «старого» издательства к новым социально-политическим и общественным запросам.

Scientific knowledge in the revolution: the specificity and the priorities of humanitarian book publishing in 1917-1922

The article is aimed at a study of the changes in the presentation of humanitarian scientific knowledge during the early post-revolutionary years. The publication activity of scholars of humanities acquired specific features in conditions of limited printing runs and the paper «hunger» of the era of Military Communism, on the one hand, and the scientist policy of the Bolsheviks, supporting scientific research with the system of economic credits, on the other hand. We can treat it as the response of the humanitarian community to the powerful socio-political challenge faced Russian science and the trend of transforming science from a private occupation into a developed industry. To solve this problem, it was necessary to rebuild the infrastructure (in particular, in book publishing, private business gave way to new organizational forms of state book publishing), to change the subject matter, the nature of scientific research (publishers turned to practical, applied research) and the form of their implementation, to change the language of scientific creativity (it should have become understandable and accessible to the general public). Statistical analysis of scientific publications for the period 1917-1922 (according to the data of the Russian Central Book Chamber) characterized the dynamics of scientific book publishing, the distribution of scientific publications in the territorial (Moscow-Petrograd-provinces, RSFSR and breakaway territories), disciplinary (social sciences, applied sciences, exact sciences), thematic (psychological, historical, philosophical, economic, anti / religious scientific works, etc.), social (departmental, scientific, scientific-popular, educational, reference books etc.) and some others sections, thereby establishing the specifics and priorities of scientific book publishing in specified period. On the other hand, concrete historical materials are also used in the report: on the unpublished documentation of the famous publishing house «M. and S. Sabashnikov» we may solve the problem of adaptation of the «old» publishing house to new socio-political and public needs.

Александр Дука / Alexander Duka (*alexander-duka@yandex.ru*)

Год без элиты

Свержение монархии было поддержано большей частью российской общественности. Однако у «революционеров» не было единства. Положение усугублялось равновесием сил и бессилия. Это влияло на формирование новой элиты. Контрэлита, опирающаяся на Государственную думу и сформировавшая первое Временное правительство, не смогла стать элитой. Она не мобилизовала достаточную социальную и политическую поддержку. Связано это было, во-первых, с ее происхождением «цензовые» для подавляющей части «демократии». Во-вторых, наличием активного оппонента в лице Исполкома Советов. В-третьих, слабым контролем над инфраресурсами. В-четвертых, недостаточной компетентностью. С другой стороны, левые, не были готовы отправлять властные функции, поскольку были некомпетентны, и у них отсутствовали организационные ресурсы. Первоначальная неготовность левых возглавить революцию в последующем влияла на неготовность формировать правительство, при желании его контролировать. Отсюда двоевластие. Другой важный аспект становления властных элит - потенциальный бассейн рекрутирования. Преимуществом в долгосрочной перспективе при постоянной радикализации масс имели левые силы. Они постепенно занимали позиции потенциальной элиты. Борьба внутри этого лагеря постепенно и определяла «физиономию» будущей российской элиты.

A year without elite

The overthrow of the monarchy was supported by the greater part of the Russian public. However, the "revolutionaries" was not unity. The situation was compounded by the balance of power and powerlessness. It influenced the formation of a new elite. The counter-elite relying on the State Duma and formed the first Provisional government, could not become elite. It had not mobilized sufficient social and political support. This was due, first, from its origin as "chosen on voting qualification" for the majority of "democracy". Second, the presence of an active opponent in the face of the Executive Committee of the Soviets. Thirdly, a lack of control over infra-resources. Fourth, a lack of competence. On the other hand, the left was not ready to execute power functions, because they was incompetent, and they lacked organizational resources. The initial unwillingness of the left to lead the revolution later influenced the unwillingness to form the government, but not to control it. Hence the dual power. Another important aspect of the formation of ruling elites is the potential pool of recruitment. The left forces had the advantage in the long term, in conditions of constant radicalization of the masses. They gradually occupied the position of a potential elite. The struggle within this camp gradually and determined "face" of the future Russian elite.

Сергей Елисеев / Sergey Eliseev (*Eliseevprof@gmail.com*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St.Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Хаос революции и становление нового социального порядка

Исходя из теории социальных изменений И. Пригожина, мы предлагаем анализировать русскую революцию 1917 г. как яркий пример ошибочной интерпретации социума как равновесной системы, развитие которой детерминировано универсальными законами, которые могут быть открыты внешним наблюдателем и использованы им в своих интересах. В такой, ошибочной, по нашему мнению, интерпретации социума революция есть закономерный результат предшествующего социально-экономического и политического развития, который должен привести общество в новой равновесное состояние.

Автор полагает, что политическая революция, направленная на свержение определенного политического порядка, есть та случайность, которая вводит социальную систему в сильное неравновесное состояние, в состояние хаоса, в результате которого сами творцы революции на некоторое время теряют контроль за ее ходом. Достигнув точки бифуркации, система постепенно начинает восстанавливать или создавать новые социальные структуры. Случайность подталкивает то, что остается от системы, на новый путь развития. В определенный момент революция сама становится законом и сама определяет, какие действия являются законными, а какие нет. В этот момент начинается процесс кристаллизации власти и легитимации господства. Начинается процесс торможения революции и рождение нового социального порядка. Новый социальный порядок имеет очень мало общего с первоначально намеченным планом, но в интересах революции и политического господства несоответствия предаются забвению.

The chaos of the revolution and the formation of a new social order

Based on the theory of social change of I. Prigogine, we propose to analyze the Russian revolution of 1917 as an example of an erroneous interpretation of society as an equilibrium system, whose development is determined by universal laws, which may be opened by an external observer and used them to their advantage. In this interpretation of society revolution is the natural result of the previous socio-economic and political development, which should lead society to a new equilibrium condition.

In our opinion, a political revolution aimed at the overthrow of a particular political order, there is the coincidence, which introduces a social system in a strongly nonequilibrium state in the condition of chaos, in which are the creators of the revolution for some time lose control over its course. Reaching the bifurcation point, the system gradually begins to restore or create new social structures. The accident pushes what remains of the system on a new path of development. At some point, the revolution itself becomes a law and determines what actions are legitimate and which are not. At this point begins the process of crystallization of power and the legitimation of domination. Begins the process of braking revolution and the birth of a new social order. A new social order has very little in common with the originally scheduled plan, but in the interests of the revolution and political domination inconsistencies oblivion.

Ирина Елисеева / Irina Eliseeva (*irinaeliseeva@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия / The Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Антон Дмитриев / Anton Dmitriev (*dmitr7171@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия / The Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Становление институтов советской власти (на примере государственной статистики)

Накануне Февральской революции Центральный статистический комитет МВД под руководством Н. Н. Белявского продолжал свою деятельность. После Февральской революции 1917 г. российские статистики осознали опасность исчезновения статистических организаций и статистических данных в перипетиях революционной эпохи. Это побудило Отдел переписи Наркомзема собрать Всероссийский статистический съезд в декабре 1917 г. Межведомственным центром был созданный в декабре 1917 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Руководство ВСНХ согласилось с идеями статистиков о необходимости централизации статистических работ. Статистиков беспокоило то, доверяют ли руководство государственной статистикой профессионалам, не было уверенности, «что во главе организации статистики будут лица компетентные». 25 июля 1918 г. Декретом Совета Народных Комиссаров «О государственной статистике (Положение)» было утверждено создание единого общегосударственного органа — Центрального статистического управления. Первым управляющим ЦСУ РСФСР в июле 1918 г. был назначен П. И. Попов. Выдвижение Попова было не случайным: еще во время ссылки в Уфу П.И. Попов познакомился с В. И. Лениным и с А. Д. Цюрюпой, вместе с которым занимался статистической работой в статистическом бюро Уфимского земства. ЦСУ имело права народного комиссариата, управляющий ЦСУ входил в СНК с правом совещательного голоса. С начала работы ЦСУ возникли сложности во взаимоотношении статистических организаций и советских органов исполнительной власти.

The development of Soviet institutions (the case of national statistics)

On the eve of the February Revolution of 1917 the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs headed by N. Belyavsky continued its activities. After the February Revolution Russian statisticians realized the danger of the disappearance of statistical organizations and statistical data in revolutionary peripetias. This prompted to organize the All-Russian Statistical Congress in December 1917. All-Russian Council of the National Economy (VSNKh) established in December 1917 became the center of that activity. Management of VSNKh agreed with the ideas of statisticians about the need to centralize statistical work. A general State organization - the Central Statistical Administration – was established under the decree of the Council of People's Commissars "On State Statistics (Regulation)" on July 25, 1919. P.I. Popov headed that organization. Popov's nomination was not a random phenomenon. Even at the time of exile in Ufa P.I. Popov became acquainted with V. Lenin and with A.Tsyuryupa along with whom he was engaged in statistical work in the statistical bureau of the Ufa zemstvo. The Central Statistical Administration had the rights of the People's Commissariat whose chief was a member of the Council of People's Commissars with the right to a consultative vote.

Галина Еремичева / Galina Eremicheva (*eremag@mail.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Социальное планирование регионально-городского развития как составляющая строительства социализма в СССР и его перспективы в пореформенной России

Социальное планирование (СП) – часть процесса управления развитием и функционированием городов в комплексе экономических, социальных, территориальных и культурных горизонтов. Потребность в СП возникла в трудовых коллективах, когда учет роли человеческого фактора стал важным элементом кадровой политики на промышленных предприятиях. Несмотря на теоретические достижения в изучении социального развития городов, идея плановости, активно продвигаемая в период развития социализма, потерпела серьезные искажения. И к началу 90-х полностью себя дискредитировала. Отвержение планового начала было следствием отхода практики планирования от нужд человека, торжестве технократизма, регламентации в распределении ресурсов, абсолютизации методов директивного командования и пренебрежении к методам косвенного регулирования, игнорировании создания области свободы для развития потенциальных возможностей людей. Декларируя необходимость учета и удовлетворение человеческих потребностей, первоочередной задачей были рост и увеличение объемов производства. Тормозом развития теории и практики СП стало юридическое закрепление в Конституции СССР 1977 года практики планового решения социальных проблем «внизу». Составление планов стало делом формальным, но в Госплан СССР был добавлен раздел социальных проблем.

Учитывая негативный опыт социального планирования, этот процесс продемонстрировал и позитивные результаты. Достижения теории и практики СП были использованы в социальной политике других стран. Сущностные характеристики социального планирования остаются актуальными в настоящее время. СП означает научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения. Оно может быть реализовано в условиях глобализационных процессов и с учетом современных характеристик социума, но требует разработки новых подходов и новой методологии.

Social planning of regional and urban development as a component of the construction of socialism in the USSR and its prospects in post-reform Russia.

Social planning (SP) is part of management process in the development and functioning of cities in a complex of economic, social, territorial, and cultural horizons. The need of SP arose in labor collectives, when the consideration of the role of a human factor became an important element of the personnel policy in industrial enterprises. Despite theoretical achievements in studying the social development of cities, the idea of planning actively promoted during the development of socialism experienced serious distortions. And by the early 90s, it had completely discredited itself. The rejection of the planned beginning was a result of the retreat of planning practice from human needs, the triumph of technocracy, petty regulation in the allocation of resources, the absolutization of methods of directive command and neglect to methods of indirect regulation, ignoring the creation of an area of freedom for the development of people's potential. Despite the declaration of the need to take into account and to meet human needs, in fact, the primary task was to increase and increase production. The brake of the development of SP theory and practice was the legal consolidation of the practice of a planned solution of social problems «below» in the Constitution of the USSR of 1977. Planning was a formal matter, but a section of social problems was added to the State Planning Committee of the USSR.

Despite the negative experience of social planning, this process has demonstrated positive results. The achievements of SP theory and practice have been used in the social policies of other countries. The essential characteristics of social planning remain relevant at the present time. The SP means scientifically based definition of goals, indicators, tasks (terms, rates, proportions) of the development of social processes and the main means of their implementation in the interests of the entire population. It can be realized in the conditions of globalization processes and taking into account the modern characteristics of society, but it requires the development of new approaches and new methodology.

Андрей Зиновьев / Andrey Zinoviev (*azin73@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St.Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Революция и тирания: соотношение идей и личностей в русской революции 1917 года

В современных теориях революций существует соперничество между структурными (или социологическими) и событийными (или историко-философскими) подходами. Анализ структурных аспектов революции основан на соединении истории и социологии в духе концепции «большой длительности», а событийный подход на более традиционных методах исторической науки и философии. Феномен «тирании» может быть соотнесен с историко-философскими подходами в изучении революций, поскольку со времен Аристотеля является частью исторического анализа роли личности в истории. Историко-философские исследования тирании часто сочетаются с исследованиями политической идеологии. Например, если изучают случаи тирании с особыми идеологическими предпочтениями тиранов, как это имело место у тиранов XX века. Идеология тирана, как правило, является причиной и следствием формирования особого типа тирании, как это было с Лениным и Сталиным в истории русской революции 1917 года. Причем акцент на идеологии тирании в духе историко-философских исследований революций часто мешал сравнительным исследованиям структурных предпосылок и структурных результатов революций. Феномен лидера (который может быть, а может и не быть тираном) присутствует практически в любой социальной революции, и, по данной причине, является одним из основных структурных элементов революций. В работе Т. Скочпол «Государства и социальные революции» феномен лидерства (в частности лидерства Ленина) объясняет особенности итогов революции в виде построения нового государства. Таким образом, идеология лидера или тирана соединяет в себе структурные и событийные подходы к анализу революций. Можно предположить, что особенности идеологии лидера (либеральные или марксистские в России 1917 года), которые лежат в основе взаимодействия лидера и революционного социального движения, и особенности личности лидера объясняют специфику итогов социальной революции. А также, идеология лидера и особенности его личности объясняют восприятие революционного лидера как тирана в последующей интерпретации итогов революции.

Revolution and tyranny: the balance of ideas and persons in the Russian revolution of 1917

Contemporary theories of revolutions demonstrate a rivalry between structural (or sociological) and eventual (or historical-philosophical) approaches. Analysis of the structural aspects of the revolution is based on the combination of history and sociology in the spirit of the concept of «great duration (longue duree)», since an eventual approach connects with more traditional methods of historical science and philosophy. The phenomenon of «tyranny» has the correlation with historical and philosophical approaches in the study of revolutions, since from the time of Aristotle it is a part of the historical analysis of the role of person in history. Historical and philosophical studies of tyranny are often accompanied by the studies of political ideology. For example, it is the case of study of tyranny with special ideological preferences of tyrants, as it was the case with tyrants of the 20th century. Generally, the ideology of the tyrant is the cause and the consequence of the special type of tyranny formation, as it was in case with Lenin and Stalin in the history of the Russian revolution of 1917. Moreover, the emphasis on the ideology of tyranny in the spirit of historical and philosophical studies of revolutions often obstructs the comparative studies of structural preconditions and structural results of revolutions. On the other hand, the phenomenon of the leader (which may or may not be a tyrant) exists almost in any social revolution, and, for this reason, is the one of the basic structural elements of revolutions. In the work of T.Skocpol «States and social revolutions» the phenomenon of leadership (in particular Lenin's leadership) explains the features of the revolution results in the form of building a new state. Thus, the ideology of a leader or tyrant combines structural and eventual approaches to the analysis of revolutions. We assume that the features of the leader ideology (liberal or Marxist in Russia in 1917), which lie in the base of leader and revolutionary social movement interaction, and the personality of leader explain the specifics of the social revolution outcome. As well, the ideology of leader and the features of his personality explain the perception of the revolutionary leader as a tyrant (not a monarch in accordance with Aristotle) in the subsequent interpretation of the revolution results.

Надежда Зиновьева / Nadezhda Zinovyeva (*nzinoveva@yandex.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Социальные условия возникновения и художественные особенности политической плакатной агитации в год двух революций

В 1917-м году важным источником формирования массового сознания становится политический плакат. В докладе рассматриваются социальные условия и причины возникновения плакатной агитации, а также художественные особенности первых плакатов. Среди условий, в которых происходила политическая агитация того времени, мы выделяем цензурирование, дороговизну, доминирование текстовых форм (книги, газеты, листовки, транспаранты), ограниченность агитации городской территорией. Неразбериха и высокая скорость смены событий после Февральской революции породили необходимость создания новых динамичных способов воздействия на массы, особую роль играли политические плакаты. Среди художественных особенностей можно отметить отсутствие собственного плакатного стиля. Плакат создаётся из клише, выработанных книжными и журнальными иллюстрациями, рекламными объявлениями, которые переделываются под новые политические задачи. Текст выступает первичным по отношению к изображению, не составляет с ним единства. Однако сами попытки донести политические идеи через плакаты показывают необходимость говорить с народом на языке понятных и близких им визуальных образов. [Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 "Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник"]

Social conditions of origin and artistic features of political poster agitation in the year of the two revolutions

In 1917 the political poster became an important source of the formation of mass consciousness. The report examines the social conditions and reasons for emergence of the poster agitation, and artistic features of the first posters. Among the conditions in which the political agitation of that time took place, we single out censorship, high cost, the dominance of textual forms (books, newspapers, leaflets, banners), limited agitation by urban territory. The confusion and high rate of changes after the February Revolution created the need to find out a new dynamic ways of influencing the masses, a special role was played by political posters. Among the artistic features, we can note the absence of its own poster style. The poster is created from a cliché produced by book and magazine illustrations, advertisements that are redone for new political tasks. The text is primary in relation to the image, doesn't constitute unity with it. However, attempts to convey political ideas through posters show the need to speak with the people in the language of understandable and close to them visual images. [The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-83-01003 "The Civil War in Russia in the images of visual propaganda: a reference book"]

Лидия Злотникова / Lidiya Zlotnikova (*lidia_zlotnikova@mail.ru*)

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Беларусь / Belarusian trade-economic University of consumer cooperation, Belarus

Великая Октябрьская революция в контексте трансформаций цивилизационного развития

Анализ публикаций по проблеме революций 1917 г. позволяет говорить о том, что основное внимание исследователей сосредоточено на форме преобразований и роли личности, что далеко недостаточно. Изучение причин и последствий социалистической революции необходимо проводить в контексте общих преобразований цивилизации. Смена общественно-экономической формации приводила к установлению господства новых собственников не только на материальные факторы, но и жизнь человека. При этом сущность частной собственности носила неизменный характер. Основной производитель – человек – получал лишь незначительные облегчения. На протяжении столетий человек оставался «говорящим орудием». Принципиальное различие Октябрьской революции 1917 г. заключается в радикальных изменениях отношений собственности, создании новой политической системы и структуры социальной организации общества. В нашем понимании – это была историческая попытка разрешения системы противоречий между частными собственниками и ее создателями. На протяжении исторического этапа менялась структура господствующих собственников. Октябрь 1917 г. произошел под лозунгом полного уничтожения частной собственности. Теоретически и практически частная собственность была признана основным источником существующих социальных и экономических проблем. До настоящего времени эффективность частной собственности не доказана. Часто используемые примеры в пользу диверсификации частной собственности характеризуются игнорированием конкретных исторических условий. Процесс становления системы политического управления, соответствующий новой социальной организации изучается нами на основе методологии конкурентной борьбы. Последняя, нацеленная на сохранение политической власти частных собственников, противоречит сути новых отношений собственности.

The great October revolution in the context of transformations of the civilizational development

Analysis of publications on the problem of the revolutions of 1917 suggests that the main attention of researchers is concentrated on the form transformation and the role of the personal factor. The study marked stage in the development of society should be systematic. The study of the causes and consequences of the socialist revolution should be carried out in the context of General historical change of civilization, drawing attention to the fact that a radical transformation was accompanied by significant bloodshed. The change of one socio-economic formation to another has led to the establishment of the rule of the new owners not only on material factors, but also human life. The essence of private property wore immutable nature. The main producer of man received only minor relief. For centuries man has remained a «talking tool». The fundamental difference of the 1917 October revolution is the radical changes of ownership relations, the creation of a new political system and structure of social organization. In our understanding this was the historical attempts to resolve system contradictions between private owners and its creators. During the historical stage, to change the structure of dominant owners. October 1917 took place under the slogan of complete destruction of private property. Theoretically and practically private property was recognized as the main source of existing social and economic problems. To date, the efficiency of private ownership is not proven. Frequently used examples in favor of diversification of private property characterized by ignoring the specific historical conditions. The focus of politicians and, unfortunately, scientists constantly are negative manifestations of the implementation of socialist ideas. One of the reasons for this phenomenon, in our opinion, is the narrow specialization of scientific knowledge, the dominance of emotion over objective analysis. For example, the process of industrialization is seriously criticized, negatively evaluated human losses in a socialist country. There is no country in which industrialization took place without casualties. But they carried their colonial countries. They also created a national wealth of the metropolis. The process of formation of system of political control that corresponds to the new social organization is studied on the basis of the methodology of competition. The latter, aimed at preserving the political power of private owners, is contrary to the essence of the new relations of ownership.

Светлана Игнатова / Svetlana Ignatova (*s-ignatova@yandex.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Олег Божков / Oleg Bozhkov (*olegbozh@gmail.com*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Сто лет трансформаций «жилищных биографий»

Биография индивида формируется не только в мире отношений, но и в мире предметов материальной культуры. В нашей стране жилье является важнейшей составляющей экономического и социального капитала человека, его семьи. В дореволюционной России жилищная политика шла в русле европейских тенденций, с широким использованием институтов частной собственности, многообразием практик обеспечения населения жильем, от системы найма до целевого строительства. После революции 1917 года государство стало выстраивать принципиально иную жилищную стратегию. В 1918 году был издан декрет ВЦИК, отменяющий частную собственность на недвижимость в городах. Большая часть жилищного фонда перешла в собственность государства, была создана особая форма жилья, сочетавшая в себе публичное и частное. Жилье оказалось важнейшим ресурсом государства, одним из основных социальных институтов, выполнявших функции социального и политического контроля, формирования социальной стратификации и конструирования идентичности советского гражданина. Для граждан оно стало значимым статусным символом. Особенности советской модели жилищной политики привели к тому, что жилье стало полем взаимодействия представителей разных слоев общества и формирования особого уклада взаимоотношений. Одновременно это область создания частного пространства, свидетельствующая о социальном статусе, ценностях, биографических переломах индивида и его семьи, жилище формировало и корректировало стиль жизни человека. В современной России жилье является фактически единственным долгосрочным активом семьи. Вместе с тем, актуальны и вопросы «биографии» самого жилища, значимости с точки зрения государственной политики и взаимодействия с биографиями людей. Задача представляемого исследования состояла в том, чтобы понять, как эта сторона организации жизни связана с различными элементами биографии индивида (семьи), жизненными стратегиями, формами повседневного опыта. Базой данных и основой предлагаемого анализа являются материалы конкурса Биографического фонда Социологического института РАН.

One Hundred Years of Transformations «Housing Biographies»

An individual biography is formed not only in the world of relationships, but also in the world of objects of material culture. Housing is a critical component of personal and family economic and social capital. In pre-revolutionary Russia housing policy was in line with European trends, with extensive use of institutions of private property, the variety of practices of the housing. After the revolution of 1917, the state began to build a radically different housing strategy. In 1918, a decree of the Central Executive Committee was issued to abolish private ownership of urban property. A large part of the housing stock became the state property, a special form of housing combining public and private was created. Housing appeared to be the most important resource of the state, one of the major social institutions of social and political control, determining social stratification and construction of the Soviet citizen identity. For citizens, it has become a significant status symbol. Features of the Soviet model of housing policy has led to the fact that housing has become a field of interaction of representatives of different sectors of society and the formation of a particular structure of relationships. At the same time is the area create a private space, indicating social status, values, biographical fractures of the individual and his family, the house generates and corrects individual's life style. In modern Russia, housing is actually the only long-term asset of the family. However, the relevant issues of housing «biography» are relevant in terms of status changes, its significance from the point of view of state policy and personal biographies. The task of the present study was to understand how this aspect of life was influenced by (and influence) the various elements of individual and family biography, forms of everyday experience. Database and the proposed analysis are the materials of the Biographical Foundation Sociological Institute of the RAS.

Надия Исхакова / Nadiya Iskhakova

Александр Варсегов / Alexandr Varsegov

Университет управления «ГИСБИ» Набережные Челны, Россия / University of Management «TIBS» Naberezhnye Chelny, Russia

Первая мировая война как фактор развития революционных событий 1917 года

В докладе рассматриваются вопросы, связанные с воздействием Первой мировой войны на революционное настроение народных масс в России. Представлено разностороннее видение существовавших в обществе социально-экономических противоречий, которые еще больше обострились в ходе Первой мировой войны. На начальном этапе войны среди граждан отмечался подъем патриотических чувств. Временно прекратились оппозиционные выступления, почти все партии (за исключением большевиков) поддержали правительство. Но затягивание боевых действий, участие в войне больших масс людей на обширных территориях и применение противником оружия массового уничтожения постепенно меняли настроение солдат. Долгая война была в их понимании несправедливостью, особенно если она не приносила быстрых, ощутимых результатов. Большие жертвы на фронте и проблемы в тылу вызвали у людей усталость и протест. Экономические трудности, разруха, усиление бедствий народных масс породили к концу 1916 года антивоенные настроения и недовольство политикой самодержавия. В итоге Россия оказалась в глубоком социально-политическом кризисе. Большевики, оценивая войну как империалистическую, не только выступали за поражение России в ней, но и требовали превращения этой войны во внутреннюю – гражданскую. Недостаток вооружения в армии привел к поражению 1915 года и вызвал значительное падение авторитета власти. Снизилась воинская дисциплина, участились случаи братания с солдатами противника, дезертирства, сдачи в плен, неисполнения приказов. В тылу росли забастовки рабочих и волнения среди крестьян, а также национальные движения. Как показал анализ научных материалов, причиной революции стал сложный комплекс не разрешенных социально-политических и экономических проблем, накопленных в сознании народа, непродуманная политика правительства и правящего класса. Все имевшиеся проблемы и противоречия были многократно усилены начавшейся мировой войной и непримиримой борьбой внутри страны между оппозицией и монархией с другой, что стало мощным ускорителем революции 1917 года.

The First World War as a Factor in the Development of the Revolutionary Events of 1917

The article deals with issues related to the impact of the First World War on the revolutionary mood of the masses in Russia. A multi-faceted vision of societal and economic contradictions in society by 1917 was presented, which became even more acute during the First World War. At the initial stage of the war, a rise in patriotic feelings was noted among citizens. Opposition speeches temporarily stopped, almost all parties (with the exception of the Bolsheviks) supported the government. But the prolongation of hostilities, the participation of large numbers of people in large territories in the war and the use of weapons of mass destruction by the enemy gradually changed the mood of the soldiers. A long war was in their understanding an injustice, especially if it did not bring quick, tangible results. Great sacrifices at the front and problems in the rear caused people's fatigue and protest.

Economic difficulties, devastation, and the intensification of the calamities of the masses caused, by the end of 1916, anti-war sentiments and discontent with the policy of autocracy. As a result, Russia was in a deep socio-political crisis. The Bolsheviks, assessing the war as imperialistic, not only advocated the defeat of Russia in it, but also demanded the transformation of this war into an internal one, civil war. The lack of weapons in the army led to the defeat of 1915 and caused a significant drop in the authority of the authorities. Military discipline has decreased, cases of fraternization with the enemy's soldiers, desertion, surrender, and non-enforcement of orders have increased. In the rear, there were amusements of workers and excitement among the peasants, as well as national movements. As analysis of scientific materials has shown, the cause of the revolution was a complex set of unresolved socio-political and economic problems accumulated in the minds of the people, the ill-considered policies of the government and the ruling class. All the existing problems and contradictions were reinforced many times by the outbreak of the First World War and the irreconcilable struggle within the country between the opposition on the one hand and the monarchy on the other, which became a powerful accelerator of the 1917 revolution.

Максим Каиль / Maksim Kail' (*mvkail@mail.ru*)

Православное сознание пореволюционной эпохи: идентичности и социальные практики провинциального общества

В центре исследования – состояние и маркеры динамики православного сознания в революционную эпоху истории страны – эволюция православия как специфического конфессионального и общественного института, обеспечивающего традиционную идентичность российского социума. В докладе планируется проанализировать трансформацию этой социальной функции на основе анализа антропологически емких текстов, свидетельств, зафиксированных в источниках социальных практик, что позволит выявить динамику параметров и специфики действия в обществе под влиянием революционных процессов и событий национальной истории новейшего времени.

Исследование имеет междисциплинарную проблему, и сложный – многосоставный исследовательский профиль, предполагающий объединение исследовательских практик истории, этнологии, религиоведения, социологии в решении междисциплинарной проблемы – маркирования, выявления функционирования в обществе и специфики консолидации общества вокруг православия как этоса национального традиционного сознания, формирующей ценности основы. Проследить динамику «традиционности», константность и подвижность границ традиционного влияния православия позволяют как традиционные подходы исторического исследования (контент-анализ, факторный анализ), так и теория организационных изменений.

В обобщенном виде на основе репрезентативного набора исторических кейсов будет предложено обоснованное суждение о границах традиционности и модернизма в поле традиционного влияния православия на общество в период поздней империи. /

The Orthodox consciousness of post-revolutionary era: identity and social practices of provincial society

Focus of the study – the status and the markers of the dynamics of Orthodox consciousness in a revolutionary period the history of the country – evolution of Orthodoxy as a specific religious and social institution, providing traditional identity of Russian society. The report is scheduled to perform the transformation of this social function based on the analysis of anthropological texts succinct, evidence recorded in the sources of social practices that will help to identify the dynamics parameters and the specific actions in society under the influence of revolutionary processes and events in the national history of modern times.

The study has a multidisciplinary problem, and complex – a multi-profile research involving the Association of research practices of history, Ethnology, religious studies, sociology in solving an interdisciplinary problem – labeling, detection of the functioning in society and the specifics of the consolidation of society around the ethos of Orthodoxy as a traditional national consciousness shaping the values of the Foundation. To follow the dynamics of «tradition», the trolleys and the mobility of the boundaries of the traditional influence of Orthodoxy as the traditional approaches of historical research (content analysis, factor analysis) and theory organization changes.

Summarized on the basis of a representative set of historical case studies will be offered an informed judgment about the boundaries of tradition and modernism in the field of traditional influence of Orthodoxy society in the late Empire.

Что пошло не так? Институциональные изменения конца 20-х-30-х гг. в СССР как основа сталинизма

Сталинизм исследовался в разных аспектах: как тоталитарная метаидеология; как особенно суровый метод традиционного российского правления, обусловленный цивилизационной спецификой; как пережиток царского наследия и неразвитости демократии в крестьянской стране; как структурный выбор общества, его политических и экономических институтов. Советский Союз также часто рассматривался в связи с национальной политикой и, следовательно, как многонациональное и многокультурное государство, с одной стороны, и как структура сложных отношений между центром и периферией (вертикаль власти), с другой. В докладе анализируется эволюция советской системы, начиная с 1917 года, к системе, которую мы знаем как сталинизм. В основе этой эволюции был политический выбор, ограничивавший развитие института принятия решений на основе консенсуса и переговоров с открытым выражением целей. Анализируя эволюционирующие условия для возникновения сталинизма, автор считает, что важнейшая черта структурного выбора связана с решениями, которые с конца 1920-х годов меняли чувствительный баланс сил между центром и федеральными субъектами, между национальными республиками и автономиями по сравнению с центральными государственными учреждениями. Рассматривая основных политических агентов и их выбор в аналитических рамках институционального развития СССР, автор также обсуждает вопрос о том, являлось ли установление Советской власти в октябре 1917 года изменением, означавшим неизбежное развитие сталинизма и тоталитаризма.

What went wrong? Institutional changes as a seedbed of Stalinism in the turn of the 1920s and 30s

Stalinism has been approached using different frameworks. It has been analyzed as a totalitarian meta ideology; a particularly harsh method of traditional Russian governance (civilization); as part of a path dependence from the czarist legacy of Russian underdeveloped democracy (*zemstvo*) and peasant society, if not so far away from the legacy of Mongol rule; but also as a structural choice of society, its political and economic institutions. The Soviet Union has also often been analyzed with an emphasis on the nationalities question and thus as a multinational and multicultural state on the one hand, and by focusing on the difficult centre-periphery relationship and its inappropriate, even dysfunctional administrative and vertical relations, on the other. This paper analyses evolution of Soviet system from 1917, its development from promise of more democratic and socially equal system to the system which we know as Stalinism. In the core of this paper are the choices which limited space for promoting separate interests of different groups through Soviet institutions and restricted consensual decision making based on negotiations of openly expressed objectives. In this respect, the crucial decisions were those which changed the institutionalised power relations in three levels: between federal Soviet institutions; between Soviet institutions and party; and between federal institutions and subjects of federation. In analyzing the evolving conditions for the birth of Stalinism, the crucial feature of the structural choices is connected to decisions that from the late 1920s onwards changed the sensitive power balance between the centre and federal subjects, national republics and autonomies versus central federal institutions. In putting agents and their choices into the analytical frame of institutional development of the Soviet Union we are discussing also about the burning issue whether the establishment of Soviet power in October 1917 revolution meant unavoidable development towards Stalinism and totalitarianism.

Лариса Кангаспуру / Larisa Kangaspuro (*larisa.kangaspuro@helsinki.fi*)
Университет Хельсинки, Финляндия / University of Helsinki, Finland

Тюрьма и анархия. Пенитенциарные изменения в революционной России.

С императорских времен и до сегодняшнего дня тюрьма постоянно присутствует в русском культурном воображении. Тюремный вопрос важен не только для тех, кто подвергается наказанию, но и для всего общества в целом. Ответ на этот вопрос всегда был непростым. Мое внимание уделено менявшемуся дискурсу российского общества: от пробуждения 1860-х и революционного экстремизма, и до революционных изменений 1917 года. Здесь я также сравниваю условия содержания «политических» и уголовников, и их соответствующее место в общественном обсуждении.

Prison and anarchy. Penitentiary changes in revolutionary Russia

From Imperial times until today, the institution of prison holds Russian cultural imagination in its grip. The prison question is important for those who undergo punishment as well as for the larger society. The answers to this question have always been uneasy.

My attention is paid to the changing discourse of the Russian society: from the awakening of the 1860s to the revolutionary extremism and until the revolutionary changes of 1917. Here, I also compare the conditions of detention between the “politicals” (political prisoners) and the criminals and their respective treatment in public discussion.

Дмитрий Карасев / Dmitry Karasev (*dk89@mail.ru*)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия / The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Культурный поворот в исследованиях революции 1917 г.

За столетнюю историю исследований революции 1917 г. сменился целый ряд подходов к ее изучению: классовый подход, политическая история, социальная история, политическая биография, «естественная история революции», неопозитивистский подход, структурный подход, демографический подход и т.д. Существующие работы, посвященные поколениям ревизионистов в изучении Русской революции (напр., Р. Пайпс, Т.Дж. Ульдрикс, Р.Г. Суни, Ш.Фицпатрик). Культурный поворот – это скорее следствие или развитие ревизии, развернувшейся в 1970-80-е гг. в изучении революции 1917 г. В центре указанной ревизии было смещение фокуса от «объективных» и «материальных» предпосылок революции, политических стратегий лидеров к более структурной низовой истории социальных групп, которые перестали рассматриваться как просто «марионетки» лидеров. Контуры «культурного поворота» в исторических исследованиях революции 1917 г. представлены в спектре исследований в русле «культурной истории», «публичной истории», «истории ментальностей», посвященных изучению содержания дискурсов участников, конструированию их идентичностей, власти соперничающих нарративов (Д. Коенкер, М. Горхам, Б.И. Колоницкий, О. Фигес, Д. фон Гелдерн, М. Стейнберг). М. Стейнберг обобщил черты подобных исследований: «1) Повышение интереса к возможностям небольших нарративов, раскрывающих смыслы, казавшиеся маргинальными. 2) Особое внимание влиянию языка, образов, символов, мифов, этики, а также того, как другие структуры обозначения и субъективной оценки оформляли понимание и действия людей. 3) Критическая культурная теория: критический подход к текстам, выявляющий замалчивание, множественность и противоречивость смыслов, парадоксы, амбивалентность и двусмысленность». Культурный поворот не предлагает нового тотального прочтения событий 1917 г., напротив, опровергаются допущения об упорядоченности и стабильности смысла, о когерентной логике исторического процесса и исторического опыта.

Cultural Turn in Studies of Russian Revolution 1917

Throughout 100 years' investigations of Russian revolution, 1917 from perspectives of different sciences – history, social science, political science, cultural anthropology, etc. – plethora approaches to its study (among them: class analysis, political history, social history, political biography, natural history, neopositivist approach, structural state-centred approach, demographic approach, etc.). There are many works (e.g. Pipes, Uldricks, Suny, Fitzpatrick) dedicated to generations of revisionists of Russian revolution. Comparing revisions in Russian revolution studies with the in French revolution studies some were surprised with similarities, other – with contrasts. So called «Cultural turn» is rather a consequence or extension of new generation of historical studies of Russian revolution emerging through the 1970s and 80s. It shifted focus from «objective» and «material» preconditions of the revolution, conscious strategies of its political leaders to more structural history from below, to different groups living through with their own minds and hearts (the people was no more considered as amenable masses or dupes, Bolsheviks were no more considered as coherent and single minded organization). Then the «cultural turn» aroused as «cultural history», «public history» and «mental history» of Russian revolution paying great attention to its discourses' content, to the processes of identity construction of its participants (Koenker, Gorham, Kolonitsky, Figes, Von Geldern, Haimson, Steinberg). M. Steinberg sums up the features of the cultural studies under discussion: «1) new appreciation of the telling power of small stories and of particular voices, of the revealing significance of the seemingly marginal. 2) Primary attention to the influence that language, images, symbols, myths, ethics, and other structures of signification and of subjective value have had in shaping people's perceptions and actions. 3) Critical cultural theory – the critical questioning of texts to reveal silences, multiple and conflicting meanings, paradox, ambivalence, and ambiguity». Thus, cultural turn is not providing a new and total reinterpretation of 1917, it rather criticize implicit historiography assumption on coherence and continuity of historical process and historical experience.

Николай Карбаинов / Nikolay Karbainov (*nkarbainov@gmail.com*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Образы революционных событий 1917-1920 гг. в постсоветском Татарстане: элитарный дискурс и массовые представления

В данном докладе проанализированы образы истории революции 1917 г. и событий Гражданской войны, конструируемых политической и интеллектуальной элитами постсоветского Татарстана. Также автор рассматривает образы этой эпохи, существующие в массовых исторических представлениях жителей Татарстана. Эмпирическая база исследования основана на результатах проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (2013 – 2014). Элитарный дискурс рассмотрен на основе анализа учебной литературы по истории Татарстана и татарского народа, научной и научно-популярной исторической литературы. Массовые исторические представления проанализированы на основе материалов 170 интервью и результатов анкетного опроса проведенного в г. Казани (N=1000). Революционные события 1917 – 1920 гг. рассматриваются в элитарном дискурсе через призму национальной истории татар. Поэтому большое внимание при описании этих событий уделяется национально-демократическому движению татарского народа. Участникам «белых» сил в Гражданской войне даются однозначно негативные оценки из-за того, что они выступали за «единую и неделимую Россию» и не признавали прав татарского народа на национальное самоопределение. «Красные» силы оцениваются амбивалентно, но позитивные оценки преобладают над негативными. В массовых исторических представлениях жителей Татарстана революционные события 1917-1920-х гг. представлены как одна из ключевых вех истории XX века наряду с Великой Отечественной войной и распадом СССР. В отличие от элитарного дискурса в массовых представлениях революционные события не связываются с национальной историей татарского народа (даже в интервью с татарами), а рассматриваются как события общероссийского масштаба. При этом даются разнообразные эмоциональные оценки этих событий. Важную роль в формировании массовых представлений жителей Татарстана о революции 1917 г. играют федеральные СМИ, а не учебная и научно-популярная литература по истории Татарстана и татарского народа.

Images of Revolutionary Events of 1917-1920 in Post-Soviet Tatarstan: Discourse of Elites and Mass Representations

The paper, firstly, analysis images of 1917 revolution history and events of Civil war of 1918-1920 that are produced by political and intellectual elites by post-Soviet Tatarstan. Secondly, we consider images of that period which are created in mass historical representations of the population of the Republic. Empirical database is a result of the project “Memory wars” and “memory conventions” in post-Soviet Tatarstan (2013-2014). Elite discourse is considered through the analyses of the text books and educational material on the history of Tatarstan and Tatars, of academic and popular historical literature. Mass historical representations are analyzed through 170 interviews and opinion poll (n=1000) held in Kazan. Revolutionary events of 1917 – 1920 are produced in elite discourse with the reference to national history of Tatars on the regional level. That’s why great attention is given to national democratic movement of Tatars while these events are described. The Whites in Civil war are estimated negatively because they were committed to the idea of “united and indivisible Russia” and didn’t recognize the rights of Tatars of national self-determination. At the same time elite discourse is ambivalent about the Bolsheviks although they are estimated all-in-all negatively. Revolutionary events of 1917-1920 are represented in mass historical discourse of Tatarstan dwellers as one of the main landmarks of the XXth century history along with the Great Patriotic War and dissolution of the USSR. In contrast to elite discourse mass historical representations do not connect revolutionary events of 1917-1920 with national history of Tatars and consider these events as ones of all-Russian scale and history. However these events are emotionally evaluated very differently. Federal Mass Media (and not textbooks and other academic and popular literature on history of Tatars) play an important role in creating of mass historical representations about revolutions of 1917 in Tatarstan.

Йорн Knobloch / Jörn Knobloch (jokknob@uni-potsdam.de)

Университет Потсдама, Германия / University of Potsdam, Germany

Две неудачные революции и одна успешная – республиканские опыты России и Германии

В докладе рассматриваются русские революции как неудачная попытка республиканского опыта. Автор полагает, что русские революции 1917 года не основывались на положительном знании о коллективном самоуправлении, вытекающем из принципов индивидуализма. Благодаря такому индивидуализму возможно взаимопонимание между Западной и Восточной Европой, и именно потому российские революции могли бы быть инструментом интеграции России в Европу. Для объяснения этой идеи в докладе сравниваются русские революции с революциями в Германии. Автор рассматривает контексты русской и немецкой революций и вводит понятие «коллективное знание ‘как’», имея в виду практическую основу функционирования всех социальных институтов в обществе. Автор делает обзор «республиканского опыта» западных обществ, который представляет собой положительное знание о коллективном самоуправлении. Общественные лидеры присягают на исполнение добровольных обязательств. Эта клятва и ее положительные результаты определяют опыт совместного порядка, в котором единственный человек выступает от имени всей группы. Однако в России такого опыта не существовало, в Германии же это знание существовало только как прото-форма. В обеих странах революции, произошедшие после Первой мировой войны, можно интерпретировать как попытку скопировать республиканские принципы. Такой подход объясняет, почему в Германии другая революция, инициированная «сверху», смогла улучшить ситуацию с развитием республиканского опыта и, следовательно, интегрировала Германию в Западную Европу.

Two failed and one successful Revolution – Russia and Germany and the republican experiences

The paper discusses the Russian Revolutions as a failed attempt to copy the republican experience. It argues that the Russian Revolutions of 1917 were unable to constitute a positive knowledge of a collective self-government which is necessary for a normative individualism. But only through this kind of a collective individualism a mutual understanding from West and East Europe is possible. Hence, the Russian Revolutions might have been a tool for the integration of Russia in Europe. For the explanation of this relation the paper compares the Russian Revolutions with the Revolutions in Germany. The structure of the paper involves three steps. After the introduction and the contextualization of the Russian and German Revolutions, the paper introduces the specific collective know-how as the practical foundation of all social institutions in a society. In the second part, I describe the “republican experience” of the Western societies, which constitutes a positive knowledge of a collective self-government. Within the history of the republicanism this knowledge arises from the conspiracy of the citizens as an expression of a power to act. Therefore, people swear an oath for a self-commitment. This oath and its positive results establish the experiences of a shared order in which the single person goes behind the whole group. However, in Russia such experiences not existed and also in Germany this knowledge only exists as a proto-form. And in both countries the Revolutions after the First World War could be interpreted as a try to copy such an oath. In the third part, the paper analyses the results of this unsuccessful attempt. It explains why in Germany another Revolution from above was able to fix the republican experience and, hence, integrates Germany in Western Europe.

Владимир Козловский / Vladimir Kozlovskiy (*vvk_soc@mail.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Цивилизационное значение российских революций 1917 года: срыв и/или прорыв

Российское общество и государство на рубеже XIX-XX вв. находились в состоянии крайней неустойчивости. Со времени убийства императора Александра II стремления самодержавия, политического правящего класса, экономических элит, русской интеллигенции, крестьянства, новых социальных групп к созданию стабильного порядка были разнонаправлены. Поражение в русско-японской войне и революционные потрясения 1905 г. явились пусковым механизмом последующих неизбежных радикальных насильственных перемен в российской империи. Экономический пресс индустриализации разрушал традиционную социальную структуру с подавляющей долей крестьянства. Политические и социальные институты при всей кажущейся прочности явно не справлялись с лавинообразным потоком глубоких проблем. Культура российского общества переживала период бурного роста и всплеска самых разнообразных течений, включая повседневную жизнь горожан и сельчан. Все предпосылки радикальной трансформации цивилизационных порядков в стране сложились. Обе революции 1917 г. стали историческим рубежом в цивилизационном развитии российского общества и государства. Во-первых, они ознаменовали резкий слом неповоротливой политической машины самодержавия и создание новой политической системы советского типа. Во-вторых, они полностью разрушили прежнюю социальную структуру методами институционального и насильственного деклассирования, легитимацией новых форм социальных перемещений. В-третьих, обе революции взорвали весь комплекс институтов царского режима, дав старт новым институтам радикального преобразования общества. В-четвертых, для больших масс населения появился реальный шанс получить ресурсы для продвижения. Таким образом, цивилизационный уклад российской империи обе революции, безусловно, насильственным образом разрушили. Это был срыв и уход от колеи наработанного столетиями цивилизационного развития. Вместе с тем российские революции совершили прорыв к новым цивилизационным устоям.

Civilizational significance of the Russian revolutions of 1917: failure and / or breakthrough

Russian society and the state at the turn of the XIX-XX centuries were an extreme instable. Since the assassination of Emperor Alexander II, the aspirations of the autocracy, the political ruling class, economic elites, the Russian intelligentsia, the peasantry, and new social groups to create a stable order have been mixed. The defeat in the Russo-Japanese War and the revolutionary upheavals of 1905 were the trigger mechanism for the subsequent inevitable radical violent changes in the Russian empire. Russian society was at the highest point of the conflict transition to a new civilizational order. The economic press of industrialization destroyed the traditional social structure with an overwhelming share of the peasantry. Political and social institutions, for all apparent strength, clearly did not cope with the avalanche of profound problems. The culture of Russian society has experienced a period of rapid growth and a surge in a wide variety of trends, including the daily life of citizens and villagers. The First World War of 1914-1918 only opened the floodgates for the inexorable socio-political mobility of the most diverse segments of the population. Finally, emancipation in various spheres gave a tremendous impetus to centrifugal processes both in the center of the empire and on its outskirts. Both revolutions of 1917 became a historical frontier in the civilizational development of Russian society and the state. First, they marked a sharp breakdown of the unwieldy political machine of the autocracy and the creation of a new political system of the Soviet type. Secondly, they completely destroyed the previous social structure by the methods of institutional and violent declassing, the legitimation of new forms of social displacements. Thirdly, both revolutions blew up the whole complex of institutions of the tsarist regime and the entire Russian empire, launching new institutions for the radical transformation of society. Fourth, for large masses of the population there is a real chance to get resources for promotion. Thus, the civilizational structure of the Russian empire, both revolutions, of course, violently destroyed. It was a breakdown and a departure from the rut of the civilizational development that had been developed for centuries. At the same time, Russian revolutions have made a breakthrough to new civilizational foundations.

Наталья Колесник / Natalya Kolesnik (*n.kolesnik@socinst.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Биография политического лидера и коллективная память: особенности воспроизводства

В докладе анализируются практики воспроизводства политической биографии партийных лидеров регионального и районного уровня Республики Коми посредством коллективной памяти. Основное внимание уделено особенностям коммеморации руководителя теми, кто входил в его ближайшее окружение и прошел в советское время «школу Морозова». Обращение к политической биографии регионального лидера советской республики обнаруживает различные конструкты и определенные наборы социальных практик. Изучение проблематики воспроизводства политической биографии субъектов посредством коллективной памяти важно не только с точки зрения решения методологических и методических задач, стоящих перед исследователем, но и с позиций особенностей конструирования региональной истории. Эмпирической основой исследования послужили воспоминания и документальные материалы об И.П. Морозове, который руководил Республикой Коми (РК) более сорока лет (с послевоенного времени до периода перестройки). Другим источником информации послужили биографии бывших первых секретарей горкомов и райкомов КПСС Республики Коми. Биографические сведения вошли в исторический справочник «Они были первыми», изданный в 2013 году по инициативе сыктывкарского клуба бывших первых секретарей горкомов и райкомов КПСС.

Political leader biography and collective memory reproduction

The report analyzes the practice of reproducing the political biography of party leaders at the regional and district levels of the Komi Republic through collective memory. The main attention is paid to the peculiarities of the leader's commemoration by those who were part of his closest surrounding and were a part of the "Morozov's school" in Soviet times. An appeal to the political biography of a regional leader of the Soviet Republic reveals various constructs and certain sets of social practices. Studying problems connected with reproduction of subjects' political biography through collective memory is significant not only in case of solving the methodological and methodical problems that the researcher faces but also from the standpoint of features of constructing regional history.

The empirical basis of the study was memories and documentary materials about I.P. Morozov who led the Republic of Komi (RK) for more than forty years (from the postwar period to the period of perestroika). Another source of information was the biographies of the former first secretaries of the city and district committees of the CPSU in the Komi Republic. Biographical information included in the historical directory "They were the first" that was published in 2013 on the initiative of the Syktvykar former first secretaries of the city and district committees of the CPSU club.

Алла Корниенко / Alla Kornienko (*av.kornienko@mail.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Язык революционной эпохи как инструмент социальной власти

Революционные эпохи неизбежно порождают кардинальные изменения языка. Рушится старый языковой стандарт, складывается новый язык, служащий инструментом социальной власти нового господствующего класса. Вызванные к жизни российской революцией 1917 г. языковые инновации стали значимыми маркерами новой политической элиты, а заодно и факторами социального успеха в новых условиях. Эти инновации были связаны с важнейшими функциями языка: коммуникативной, экспрессивной, номинативной. В коммуникативном плане дискурс борьбы и войны охватывает все сферы социальной жизни. Вместо нормативного ранее подавления агрессивности – ее многообразные нарочитые речевые проявления. Шокирующее снижение стилового регистра. Вульгаризмы, воровской жаргон, грубая речь, брань как отрицание «вежливости» старого режима. В экспрессивном плане – пафос, повышенная эмоциональность и выразительность революционного дискурса, вплоть до эмоциональных эксцессов. Инновации номинативного характера – масса новых слов, обозначающих новые революционные реалии; активное переименование городов, улиц, учреждений, должностей; широкое использование заимствованных слов и иноязычных оборотов как индикатор смены культурной ориентации с национальной на интернациональную; появление множества новых аббревиатур. Перечисленные языковые инновации революционной эпохи, ставшие символическими инструментами борьбы со старой социо-культурной элитой и одновременно символическими индикаторами лояльности к новому социально-политическому режиму, и планируется рассмотреть в докладе.

The language of revolutionary epoch as an instrument of social power

The times of revolutionary upheavals definitely cause profound changes in language. As early language norms are breaking down new language means are developed to serve as a tool of social power for a newly formed ruling class. Language innovations called into being by Russian revolution of 1917 became notional markers for new political establishment as well as factors of social mobility in new realities. These innovations were associated with primary capabilities of language, namely communicatory, expressive (evocative) and nominative functions. In communicatory activity of language discourse of battle and war covers all aspects of social life. Conventional suppressing of aggression gives place to various speech manifestations of intentional hostility. Shocking lowering of style standards is observed. Slang words, thieves' argot, rude speech, cursing are used as a denial of 'courtesy' being attributable to ousted regime. Expressive means are marked by enthusiasm, exciting emotionality and expressiveness of revolutionary discourse being on the verge of emotional outrage. Features of nominative innovations are a great number of new words reflecting facts of revolutionary life; active renaming of cities and towns, streets, institutes, employments, administrative positions; extensive use of loan words and foreign turns of phrases serving as a barometer of cultural shifting from national to international orientation; emerging of numerous newly-made abbreviations. The issue of inspected language innovations serving as symbolic tools in the fight against the old socio-cultural establishment and being also symbolic display of loyalty to new socio-political regime is the subject of the present report.

Виктория Кравец / Victoria Kravets (*vkkravec@rambler.ru*)

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия / Southern federal University, Rostov-on-Don, Russia

Проблемы национально-государственного устройства постсоветского пространства глазами русского эмигрантского сообщества 20-х гг. XX в.

Национальные отношения и национально-государственное устройство являются важнейшими вопросами мировой политики. В преддверии столетия Революции 1917 года, многие исследователи приходят к выводу, что нерешенность национальных проблем в императорской России выступает одной из причин, приведших к гибели государства. Актуальные задачи национально-государственного строительства, взаимоотношения центра и регионов стояли и перед постсоветской Россией. Нерешенные проблемы приводили к противоречиям в новейшей российской истории и выливались в тяжелые для государства и общественного сознания конфликты.

Пути решения национальных проблем предложили представители зарубежной российской диаспоры 20-х годов XX столетия. Теоретики русского зарубежья неотрывно следили за событиями, происходившими в Советской России и подвергали всестороннему изучению те или иные изменения в ее экономической, политической и социальной жизни. Сейчас, когда на постсоветском пространстве все еще разрабатываются основы национальной политики, рассуждения российских эмигрантов первых десятилетий прошлого века звучат весьма злободневно. В среде русской эмиграции 20-х годов XX века не было единства по вопросу о национально-государственном строительстве. Плюрализм мнений объясняется разностью воззрений на место советского государства в общецивилизационном процессе, отношением к революционному процессу вообще и к русской революции в частности, а также отношением к большевистскому режиму в части его способности решать национальные задачи. Анализ выводов теоретиков русского зарубежья интересен глубиной исторического прогноза и научного предвидения будущего.

Problems of the national-state system of the former Soviet Union in the estimates of the Russian émigré community of the 20th twentieth century

The national relationship and the national-state structure are the most important issues of world politics. In the eve of the centenary of the 1917 Revolution, many researchers come to the conclusion that the unresolved national problem in Imperial Russia is one of the causes that led to the death of the state. The urgent tasks of nation-building, the relationship between the centre and regions have faced post-Soviet Russia. Unresolved problems led to contradictions in modern Russian history and resulted in a heavy state and public consciousness of the conflict.

Solutions to national problems in the former Soviet Union has proposed representatives of foreign Russian Diaspora of 20-ies of XX century. Of special interest assessment of various aspects of the Bolshevik government in Soviet Russia was for the theorists of the Russian Diaspora, who closely followed the events happening in the country, and subjected to a comprehensive study certain changes in its economic, political and social life. Now, when in the post-Soviet space are still being developed a national policy framework, the arguments of the Russian immigrants of the first decades of the last century sound sometimes very topical.

In the environment of Russian emigration in 20-ies of XX century there was no unity on the question of national-state construction in postpositivists space. Pluralism of opinions is explained by the difference of views on the place of the Soviet state in civilizational process, attitude to the revolutionary process in General and the Russian revolution in particular, and with the attitude to the Bolshevik regime in terms of its ability to solve the national problem. Analysis of the findings of the Russian theoreticians is the interesting depth of the historical forecast and scientific prediction of the future.

Улдис Креслиньш / Uldis Krēslinš (*uk15001@lu.lv*)

Институт истории Латвии при Латвийском университете, Рига, Латвия /
The Institute of Latvian History at the University of Latvia, Riga, Latvia

Механизмы продвижения политических решений как выражения «воли общества»: опыт Латвии в 1917 году

Доклад посвящен методам, которые используются политическими партиями для влияния на общественное мнение на примере опыта Латвии в 1917 году. В конце 1905 года, когда первые легальные политические партии в Латвии только появились, общество не имело опыта политического участия, то есть не было готово находить и распознать какие-то особые политические технологии в политических процессах. Ситуация изменилась в 1917 году, когда собрание делегатов латышских стрелков 17 мая проголосовало о недоверии Временному правительству и призвало к братанию с немецкими солдатами. Это решение в широких общественных кругах вызвало непонимание, и некоторые участники собрания, не поддержавшие принятое решение, находили объяснение в хорошо «срежиссированном» ходе собрания. Механизмы продвижения нужных решений, которые были отмечены на упомянутом собрании, повторились и на других собраниях и съездах 1917 года. Это свидетельствовало о том, что сформировалась определенная закономерность, и её начало можно найти уже в событиях революционного движения 1905 года.

The political decisions channeling mechanism's for expression of „society volition”: Latvian experience in the 1917

The given report is devoted to the problem of specific political methods or political technologies that were used by political parties to influence the political will of Latvia society at the 1917.

There is a situation, when the first legal political parties were founded only at the end of 1905 and society didn't have any previous experience of political participation, the society wasn't ready to see any specific political technologies in the political processes. Views changed on May 17, 1917, when Latvian Riflemen regiment delegates, standing to German army front ahead, voted for distrust to the new Russia Provisional Government and accepted fraternization with German soldiers. This vote called a incomprehension of society, and several delegates, which were participated in meeting on May 17 but not supported it vote, find the explanation of that at the meeting directed arrangement leaded by Latvian Social-democrats. The fact that the same specific political technologies would be seen in other meetings and congress in 1917 also, indicated, that it wasn't accident or one separate case but a regularity, and it beginning could be find in processes of Revolution at 1905.

Анастасия Курилова / Anastassia Kurilova (*anastassia-01@yandex.ru*)

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия / RUDN University, Moscow, Russia

Дмитрий Тихазе / Dmitry Tikhaze (*megaelvis@yandex.ru*)

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия / RUDN University, Moscow, Russia

Наследие послереволюционной советской жилой архитектуры первой половины XX века: опыт социологического анализа

Процесс урбанизации в СССР шел одновременно с формированием нового типа человека на фоне радикальных социальных изменений, например, отмены частной собственности и массового перехода от сельского труда к производственному. Миллионы людей должны были быстро привыкнуть к новому типу коллектива, идеологии, бытового, общественного, трудового и потребительского поведения, а также к жизни в городах. Активная урбанизация заключалась не только в строительстве заводов, но и в комплексном возведении жилых, управленческих, обслуживающих и рекреационных объектов, в изменении облика старых городов. Архитектурные объекты строились как с функциональной целью, так и для того, чтобы обеспечивать самовоспроизводство новой общественной системы. В докладе сделана попытка социологического изучения специфических и общих социальных явлений, связанных с социалистическими архитектурными объектами при помощи теоретических концепций социологии архитектуры (как части социологии материальной культуры): 1) Материальное содержит стабилизационный аспект социальной организации во взаимовлиянии людей и вещей. При восприятии материальности архитектуры разворачиваются социальные ситуации, влияющие на людей. Социальный контекст производит архитектуру, которая является специфической формой материального из-за вложенного труда и сильной укрепленности и устойчивости в этом социальном контексте и его изменении со временем. 2) Архитектура делает видимым аспекты социального, идеи, социальные отношения и концепции, проявляющиеся в видимом агрегате людей и вещей, социальные нормы и процессы, бывшие при замысле архитектуры, а по воплощению – идущие с ней. При помощи примеров советского архитектурного авангарда и, отчасти, следующего за ним по времени стиля делается попытка выявить связь материального и формирования советского человека.

The legacy of the post-revolutionary Soviet residential architecture of the first half of the XX century: the experience of sociological analysis

The urbanization in the USSR was going along with the formation of a new type of soviet people in the context of social changes, for example, the abolition of private property and the mass transition from rural labor to production. Millions of people had to quickly get used to a new type of collective, ideology, household and consumer, social and labor behavior, and also to life in cities. Since cities have become the main place of industrialization and life, and the main element of the new territorial and social structure. Active urbanization consisted not only in the construction of plants, but also in the integrated construction of residential, administrative, service and recreational facilities, and also in changing the appearance of old cities. Architectural objects were built not only with a functional purpose, but also in order to ensure the self-reproduction of the new social system. The paper deals with the sociological study of specific and general social phenomena associated with socialist architectural objects with the help of theoretical concepts of the sociology of architecture (as a part of the sociology of material culture): 1) The material things contain the stabilization aspect of social organization in the mutual influence of people and things. When perceiving the materiality of architecture, social situations that affect people are unfolding. The social context produces architecture that is a specific form of materiality because of the invested great effort and strong fortitude and stability in this social context and its change over time. 2) Architecture makes visible the aspects of social, ideas, social relations and concepts, manifested in the visible aggregate of people and things, social norms and processes that were in the design of architecture, and after the construction – coming with it. With the help of examples of the Soviet architectural avant-garde and, in part, the style following it, an attempt is made to reveal the connection between the materiality and the formation of the Soviet man.

Виктор Куприянов / Victor Kupriyanov (*nonignarus-artis@mail.ru*)

Критика революции в русском либерализме XIX века

Классический европейский либерализм, зародившийся в условиях расцвета абсолютизма, в качестве неотъемлемой составляющей включал «теорию революции». Согласно Дж.Локку народ в силу неотчуждаемого права на самосохранение может в любой момент сместить правителей, злоупотребивших властью. Поэтому любое действие правителей, расцениваемое как проявление деспотизма, может служить основанием для их насильственного отстранения от власти. Впоследствии во французском Просвещении эта идея получила свое наиболее радикальное воплощение в философии Гольбаха и Руссо. Тем не менее, анализ дооктябрьской традиции русского либерализма показывает, что возможна такая версия либерализма, которая полностью отказывается признавать революцию, но при этом остается либеральной. В отличие от западного либерализма, русский дореволюционный либерализм XIX в., представленный именами К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского и Б.Н. Чичерина, предлагал эволюционный путь развития, оказываясь, таким образом, в противоречии как с революционно-демократическим движением, так и с реакционно-охранительным. Такую версию либерализма Б.Н. Чичерин называл консервативным либерализмом, кредо которого можно выразить формулой того же Чичерина «либеральные меры и сильная власть». Развитие свободы слова, экономической самостоятельности, местного самоуправления и освобождение от всех форм рабства при сохранении самодержавия виделись этим мыслителям в качестве способа постепенного реформирования России «сверху». Доклад раскрывает учение консервативного либерализма об эволюционном пути развития русской государственности и идейную борьбу его представителей со сторонниками революционных течений. Рассмотрение этой проблематики помогает реконструировать идеологический контекст, сопровождавший созревание революционной ситуации в России, начиная с конца 1870-х гг. и поможет, как более полно понять причины событий 1917-го, так и осознать возможные пути построения новой российской государственности.

The critique of revolution in the nineteenth century Russian liberalism

It is known that classical European liberalism formed in the conditions of the heyday of the absolutism necessarily comprised the «theory of revolution». The J. Locke's doctrine leads to the conclusion that due to the inalienable right to self-preservation the people may change the governors misusing the power at any moment. That is why any governmental action considered a sign of despotism can serve as a reason for the forced removal from the power. Afterwards, the idea received its most radical realization in the French Enlightenment: in philosophy of Holbach and Rousseau who extensively justified the right to revolution understood as a requirement for the restoring of the freedom infringed by the usurpers. Nevertheless, the analysis of the pre-October Russian liberal tradition shows that it is possible to establish such version of liberalism which totally refuse revolution but at the same time remain liberal. Unlike western liberalism, Russian nineteenth century pre-Revolutionary liberalism represented by K.D. Kavelin, A.D. Gradovsky and B.N. Chicherin offered evolutionary way of development opposing both revolutionary-democratic and reactionary-conservative movements. B.N. Chicherin called such vision of liberalism conservative liberalism which credo can be formulated with the own Chicherin's words as «liberal measures and strong power». The developing of the freedom of speech, economic independence, local self-government and emancipation from any forms slavery with preservation of autocracy were seen by Chicherin as a way to the gradual reforming of Russia «from above». The report aims to explain the liberal conservatism doctrine of the evolutionary way of the development of Russia and to show the ideological struggle its representative waged against revolutionary movements that enjoyed so broad support of Russian democratic intelligentsia of the second half of nineteenth century and created the conditions for the dramatical 1917 year events. The consideration of the problematics helps to give more detailed reconstruction of the ideological context accompanying the gradual forming of the revolutionary situation of Russia from the beginning of the 1870s and helps both to understand the reasons of events of 1917 more fully and to realize the possible ways of the establishing new Russian statehood.

Олег Латышев / Oleg Latyshev (*Papa888@list.ru*)

Мариинская галерея им. М.Д. Шаповаленко, Москва, Россия / Mariinsky Gallery named after. M.D. Shapovalenko, Moscow, Russia

Постреволюционные изменения в жизни представителей социально незащищённых слоёв населения России

В докладе рассматриваются результаты исследования, связанного с динамикой социального самочувствия детей-сирот, детей, лишённых родительской опеки, людей с ограниченными возможностями здоровья и других категорий социально незащищённых людей в послереволюционные десятилетия. На базе статистических данных, наблюдений очевидцев, а также официальных документов послереволюционной эпохи делаются выводы о том, как прошедшая революция изменила судьбы именно тех, кто мог по праву в наибольшей мере надеяться на её результаты. В качестве ключевых моментов, которым уделяется внимание в данной работе, является физическое, нравственное, психическое здоровье указанных групп населения. Также автора интересует уровень их материального благосостояния, возможность профессиональной самореализации, обретения социально значимых позиций, возможность вступать в общественные объединения и организации, и др. В работе делаются выводы о том, в чём, в каком объёме и каким образом наступили принципиальные изменения в жизни социально незащищённых граждан после революции. Намечаются направления дальнейших исследований по избранной теме, включая культурный контекст послереволюционной жизни в России.

Post-revolutionary changes in the lives of representatives of socially unprotected strata of the Russian population

In this paper we consider the results of a study related to the dynamics of the social well-being of orphans, children deprived of parental care, people with disabilities and other categories of socially unprotected people. Based on statistics, observations of eyewitnesses, as well as official documents of the era, conclusions are drawn about how the past revolution changed the destinies of those who could rightfully have the greatest hope for its results. As the key points, which are given attention in this work, is the physical, moral, mental health of these layers of the population. Also, the author is interested in the level of their material well-being, the possibility of professional self-realization, gaining socially significant positions, the opportunity to join public associations and organizations, etc. Conclusions are made about the extent to which the principal changes in the life of interesting categories of citizens after the revolution. The directions for further research on the selected topic are planned, including the cultural context of post-revolutionary life in Russia.

Ли Хунся / Li Hongxia (1090532227@qq.com)

Тун Хуа / Tong Hua

Лю Гуан / Liu Guang

Институт марксизма Пекинского университета физкультуры, Китай /
Marxism College of Beijing Sport University, China

Великое значение Октябрьской революции для Китая

Октябрьская революция 1917 года не только изменила направление развития российской нации, но и повлияла на судьбу китайского народа. Во-первых, Октябрьская революция в России ускорила распространение марксизма в Китае. Перед Октябрьской революцией Япония была каналом распространения марксизма, что происходило через китайских студентов, обучающихся в Японии. Но они в основном были буржуазными реформистами и анархистами, их понимание марксизма ограничивалось буржуазной позицией. После Октябрьской революции Россия стала «распространителем» марксизма, выезжающие в Россию китайские студенты стали главными силами распространения марксизма. Под руководством секретариата Восточной Азии Коминтерна, Чжан Симань перевел все советские партийные и правительственные документы, создал предпосылки для создания коммунистической партии Китая и реконструкции партии Гоминьдана. Ли Дачжао в свою очередь опубликовал такие работы, как «Победа простого народа», «Победа большевиков», «Моё видение марксизма», где систематически разъяснялся марксизм. Во-вторых, революция в России вдохновила китайских марксистов на создание Коммунистической партии Китая, партийное руководство во главе с Мао Цзэдуном занималось поисками пути проведения социалистической революции, соответствующей реальным условиям Китая. Наконец, идея В.И. Ленина о переходе к социализму от традиционного общества открыли путь реформам и открытости в Китае. Китай добился заметных достижений на этом пути. Реформы и открытость Китая - это один из чудесных шахматных ходов для осуществления стратегии «переход через капиталистическое Кавдинское ущелье», это гибкое применение тактики обходного маневра Ленина, это удачный ключ и неизбежный путь проведения социалистического строительства для отсталых стран, это самый важный результат китаизированного марксизма.

The great value of the October revolution for China

October Revolution not only changed the development of the Russian and human history, but also rewrote the destiny of the Chinese. First, it accelerated the spread of Marxism in China. Before the revolution, Japan was the main channel of Marxism dissemination mainly by Chinese students in Japan, who were bourgeois reformists or anarchist with an understanding to Marxist limited to position of the bourgeoisie. After the October Revolution, Russian became main channel of Marxism spreading into China, and Chinese students studying in Russia became the main force. Under the leadership of East Asian Secretariat of Communist International, Mr Zhang Ximan translated all Party and Government construction documents of Soviet Union, such as Constitution of Russian Communist Party and provided reference for the establishment of the Communist Party of China and transformation of the Kuomintang by Sun Yat-Sen's g. October Revolution brought hope to the early Chinese Marxists. Li Dazhao published articles to cheering the revolution's victory, including Victory of Common People and Victory of Bolshevik. He is the author of Introduction to My Concept of Marxism, which is the first article systematically disseminating Marxism. Secondly, October Revolution encouraged Chinese Marxist to create the Communist Party of China. Leadership of the Party led by Mao Zedong adhered to combination of Marxism and China's reality, explored a socialist revolution road in line with China's conditions, and created a new China. Finally, Lenin's thoughts about bypass transition inspired reform and opening up in China, resulting in remarkable achievements. Reform and opening up is a great step of the grand strategy to leap over Capitalist Kafdin Valley by China, the flexible application of Lenin's bypass transition tactics in the primary stage of socialism, the only way to success for backward country to build Socialist, and the greatest achievement of Marxism in China.

Любовь Лисенкова / Lyubov Lisenkova (*lunili@yandex.ru*)

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург, Россия / St.Petersburg State Pediatric Medical University, St. Petersburg, Russia

Революция 1917 года: был ли неизбежен октябрьский финал (по материалам эмигрантской мемуаристики)

Послеоктябрьская эмиграция, обладавшая высоким интеллектуальным потенциалом и бесценным политическим опытом, оставила богатейшее мемуарное наследие. Насильственный характер разрыва с Отечеством определил политическое содержание большинства воспоминаний, в которых ведущей была тема русской революции 1917 года. Большинство мемуаристов было убеждено, что большевистский финал русской революции можно было предотвратить, и анализировали ошибки и просчеты, которые допустили в своей деятельности правящие политические партии и их лидеры. Кадеты обвиняли умеренных социалистов в том, что они не осознали необходимости принятия решительных мер против сторонников утопических экспериментов. Уже летом 1917 альтернативу большевизму кадеты видели в установлении военной диктатуры. Персональную ответственность за приход к власти большевиков либералы возлагали на премьер-министра А.А. Керенского, который «предав» в августе 1917 генерала Л.Г.Корнилова лишил страну последнего шанса создать сильную национальную власть. Эсеры и меньшевики ответственность за срыв демократического процесса в 1917 году возлагали на правые силы. Кадеты, по их мнению, постоянно тормозили проведение социально-экономических реформ и сознательно затягивали созыв Учредительного собрания. Политические лидеры эмиграции пришли к выводу, что именно война окончательно оформила и закрепила исторические предпосылки торжества большевизма и явилась главной причиной поражения демократических сил в 1917 году.

The revolution of 1917: was the october final inevitable? (according to the emigrant memoirs)

The post-October emigration, which had high intellectual potential and invaluable political experience, left the rich memoirs heritage. Forcible rupture with the Fatherland defined the political content of most of the memories in which the leading theme was the Russian revolution of 1917.

After the death of the monarchy not only cadets, but also socialist parties – the Mensheviks and socialist-revolutionaries supported the liberal-bourgeois version of the transformation of Russian society. However, in 1917 the democratic forces were unable to ensure the development of the country on the reformist path. The question of the reasons and responsibility for the October tragedy was the main thing over which the leaders of February reflected in exile. Most of memoirists were convinced that the Bolshevik final of the Russian revolution could have been prevented, and analyzed the mistakes and miscalculations, which the ruling political parties and their leaders have made in their activity. Cadets accused the moderate socialists that they did not realize the need for decisive measures against the supporters of the utopian experiments. In the summer of 1917 cadets saw an alternative to the Bolshevism in establishment of military dictatorship. Personally responsible for the coming to power of the Bolsheviks, the liberals laid blame on Prime Minister A.F. Kerensky, who «had betrayed» in August 1917 General L.G. Kornilov and have deprived the country of a last chance to create a strong national government. The socialist-revolutionaries and the Mensheviks the responsibility for the failure of the democratic process in 1917 were placed on the right-wing forces. According to them, the cadets constantly delayed the conduction of socio-economic reforms and deliberately delayed the convening of the Constituent Assembly, and «reckless adventure» General L.G. Kornilov finally destroyed discipline in the armed forces, weakened the authority of the government and led to a sharp increase in the influence of the Bolsheviks. Political leaders of emigration came to the conclusion that the war had cemented the historical background of the triumph of Bolshevism and had been the main reason for the defeat of democratic forces in 1917.

Татьяна Литвинова / Tatiana Litvinova (*tantin@mail.ru*)

Московский государственный институт международных отношений, Москва,
Россия / MGIMO University, Moscow, Russia

Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революций 1917 г. и Гражданской войны

Во время Гражданской войны на Северном Кавказе горское общество и местные элиты были расколоты на несколько политических сил, каждая из которых предлагала собственные институциональные решения для управления регионом. Горское правительство выступало за создание национального государства и отделение от России. Оно было вынуждено эмигрировать, и сошло с политической арены, так и не добившись признания от международного сообщества. Следует подчеркнуть, что до Октябрьской революции, Союз объединенных горцев выступал за создание автономии кавказских народов в демократической России. И только переворот 25 октября заставил Горское правительство, состоящее из представителей местной знати и буржуазии, заявить об отделении от России. То есть мотивы отделения были скорее не этнонациональные, а экономические. Большевики, опиравшиеся, прежде всего, на безземельных и малоземельных горцев, обещали им возвращение земель, отнятых казаками, выступали за свободные и демократические выборы. Провозглашая лозунг права нации на самоопределение, они выступали за автономизацию и впоследствии встали у истоков формирования Горской АССР в 1921 г. Генерал А.И. Деникин, который выдвинул лозунг «Единая и неделимая Россия», настаивал на сохранении имперского принципа управления покоренными народами и опирался преимущественно на казаков. Его политика усмирения горцев осуществлялась в традициях генералов Кавказской войны и обеспечила большевикам поддержку горцев, пострадавших от притеснений Добровольческой армии. Религиозные деятели и духовные лидеры выступали за создание теократической монархии (Н. Гоцинский, Узун-Хаджи). В целом для этого периода была характерна институциональная неопределенность, обусловленная кризисом российской государственности.

Political institutionalization and the struggle of elites in the North Caucasus during the revolutions of 1917 and Civil War

During the Civil War the mountain society and local elites of the North Caucasus were split into several political forces. The leaders of Mountainous Republic advocated the creation of a national state and separation from Russia. It was forced to emigrate, and withdrew from the political arena, and did not gain recognition from the international community. It should be emphasized that before the October Revolution, the Union of United Mountaineers advocated the creation of the autonomy of the Caucasian peoples in a democratic Russia. Only after the October Revolution government consisting of representatives of the local nobility and the bourgeoisie declared separation from Russia. So the motives for secession were not ethnic, but economic. The Bolsheviks who relied primarily on landless mountaineers, promised them the return of lands taken away by the Cossacks, and supported free and democratic elections. Proclaiming the slogan of the right of the nation to self-determination, they advocated the creating of autonomies and subsequently founded the Mountainous ASSR in 1921. General Anton Denikin who put forward the slogan «United and indivisible Russia,» insisted on preserving the imperial principle of governing the conquered peoples of Caucasus and relied primarily on the Cossacks. His policy of pacifying the mountaineers was carried out in the tradition of the generals of the Caucasian War and provided the Bolsheviks with support for the mountaineers who suffered from the oppression of the Volunteer Army. Religious leaders and spiritual leaders advocated the creation of a theocratic monarchy (Najmudin Gotsinsky, Uzun-Haji). In the period between two revolutions there were changes in the representation of the mountain elite about the mechanisms of nomination to power: the local political figures of the February revolution, who later formed the Mountainous government, advocated general elections and proportionality of ethnic representation in government bodies. Also for the free democratic elections were the Bolsheviks. In general, for this period was characterized by institutional uncertainty, caused by the crisis of Russian statehood.

Марина Ломоносова / Marina Lomonosova (*lomonosovamv@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Революция как фактор социальной справедливости в научном наследии П. Сорокина: от "Социологии революции" (1925) к "Американской сексуальной революции" (1956)

Проблемы социальной справедливости и сама «справедливость», как экзистенциальная ценность, в начале 21 века как на уровне отдельных государств и обществ, так и на уровне глобальной мировой политики являются предметом острых дискуссий. Лидеры радикальных социальных и религиозных течений во имя достижения «справедливости» призывают к революциям и реализуют на практике тактику террора. Но наряду с революциями, одним из основных регуляторов социальной справедливости являются реформы. Как социолог, Питирим Сорокин пытается найти ответ на один из краеугольных вопросов социальных наук: возможно ли достижение социальной справедливости методами реформ или только один путь является единственно верным – революционный?

«Русская революция как гигантский успех и чудовищный провал», аргументы этого утверждения ученого представлены им самим на страницах «Листков из русского дневника». «...Мне неловко становится, когда я слышу мнения многих, усматривающих в революции лучшее средство борьбы с нищетой, неравенством, эксплуатацией и другими социальными бедствиями. Такой рецепт столь же разумен, как совет гасить пожар керосином» - к этому выводу пришел Питирим Сорокин на страницах своей «Социологии революции» - социолог, вовлеченный в водоворот революционных потрясений российского общества начала 20 века.

Кроме этого, глобальные вызовы 21 века в области науки и геополитики, стремительно вовлекают всех и каждого в стремительный водоворот трансформаций и потрясений, поэтому работы Питирима Сорокина в рамках социологии революции приобретают особую актуальность.

Revolution as a Factor for Social Justice and Social Equity in the Scientific Heritage of P.Sorokin: from "The Sociology of Revolution" (1925) to "The American Sex Revolution" (1956)

In contemporary society, issues of social justice, and of justice considered more broadly in an existential sense - both at the level of local communities and on the global level of world politics - are the subject of intense debate. The leaders of radical social and religious movements are calling upon their supporters to employ tactics of terror in the name of achieving "justice." Reform and revolution have been the main instruments employed in the pursuit of social justice. However, is it not possible that reform or revolution are not the only way? Is revolution good or bad?

The sociologist Pitirim Sorokin sought to answer these important questions. The study of revolutions played a major role in Sorokin's academic career and his scientific heritage. The key concepts elaborated by Sorokin – social stratification, social mobility, and sociocultural dynamics – are related to the concept of sociology of revolution. "The Russian revolution was a huge success and a terrible failure" Sorokin asserted in his book *Leaves from a Russian Diary* (1924). Sorokin proposed other methods for the improvement and reconstruction of the social organization:

1. Peaceful reforms which do not unleash humanity's base instincts.
2. Scientific research as a precondition for practical experiment.
3. If need be, experiments in social reform should be first conducted on a modest social scale.
4. Reforms must be implemented by lawful and constitutional means.

Revolution does not solve the problem of social equality, Sorokin concluded, drawing upon his own experiences in the maelstrom of the Russian Revolution of 1917.

Global challenges of the 21st century in the fields of science and geopolitics involve rapid transformation and turmoil. In this regard, the work of Sorokin has again become relevant.

Светлана Лурье / Svetlana Lurie (*svlourie@gmail.com*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Община и революция: как созревали предпосылки катастрофы в крестьянской среде

Предпосылки революции возникли в крестьянской общине задолго до ее рокового свершения. С введением петровских ревизий крестьяне попали в личную зависимость от землевладельца – с тех пор бунты на Руси не затихали. Бунт был выражением конфликтности между внутренними альтернативами русского народа – «мирской» и «государственной». Царь – экстерниоризацией своего образа у крестьян и, как считал народ, желал того же – «черного передела», всероссийского поравнения. В действиях восстававшего народа отчетливо заметны черты провокационности, ярчайшим примером чего служит Кровавое Воскресенье. Народ решил опытным путем проверить, есть ли у него царь и Бог. Причем был внутренне готов к отрицательному ответу. И подобное ощущение характерно. Причиной революционизации крестьянской общины стало существенное искажение ее приходского начала, вследствие чего религиозность в крестьянской среде падала быстрыми темпами. Еще Екатерина II своими реформами разрушила прежде прочную связь крестьян с монастырями, а на сельское приходское духовенство возложила полицейские обязанности: ему необходимо стало вести учет исповеди, сообщать о назревающих бунтах. Священники, жившие в среде крестьян, либо не принимали такой порядок вещей и участвовали в бунтах, лишаясь морального права осуждать злодеяния бунтарей, либо вынуждены были защищать нелегитимное по убеждениям крестьян крепостное право, теряя в глазах последних авторитет. По свидетельству этнографов, XIX век становится гораздо более языческим, чем XVII или XVIII. Моральное разложение крестьян все меньше сдерживалось, бунтарство общины возрастало. Бунт подействовал на общинные структуры вроде бы благотворно. Община после 1905 года представляла собой прочную целостность, сумевшую противостоять давлению во время Столыпинской реформы. Наконец, к бурному оживлению общины привела и революция 1917 года. Казалось, община дождалась осуществления своей вековой мечты – «черного передела». Община начала возрождаться, но она же погибла, не имея сакральной санкции, оказавшись не способной ни к какому сопротивлению.

The Community and the Revolution: how was ripening the catastrophe in the peasant environment

Preconditions of the revolution arose in the peasant community long before the fateful 1917 -- in the XVIII century. Peasants got into personal dependence on the landlord after the Peter's revisions introduction and then riots doing not stop in Russia. The riot was an expression of the conflict between the internal alternatives of the Russian people -- «secular» and «state». The tsar as the exteriorization of his image among the peasants and as they thought he wished the same thing -- the «black redistribution», the all-Russian equation. The features of provocation are clearly visible in the actions of uprising people, the brightest example of which is the Bloody Sunday 1905. The people decided to testing whether they had tsar and God. They was internally ready for a negative answer and this feeling is typical. After all, people had believing to «black redistribution» coming when the sins in Russia multiply, provoked themselves and reveled with a sense of the moral boundary. The reason for revolutionizing the peasant commune was a significant distortion of its parish basis, whereby religion among the peasants fell rapidly. Through her reforms Catherine II destroyed the formerly strong relationship of peasants with monasteries. She entrusted on the rural parish clergy the police duties: they needed to keep records of confessions, to report on maturing riots. Priests who lived among peasants and did not accept such an order of things and participated in riots, lost the moral right to condemn the atrocities of rebels. Or they were compelled to defend the serfdom that was illegitimate at the peasants' convictions, losing peasants' credibility. The nineteenth century is much more pagan than XVII or XVIII according to ethnographers. The moral disintegration of the peasants had being more and more, the rebelliousness of the community increased. Then revolt had beneficent effect on the peasant commune's structures. The peasant community represented a strong integrity after 1905, able to withstand pressure during the Stolypin reform. Finally, the revolution of 1917 led to the rapid revival of the community. It seemed that the community finally reached for the realization of its age-old dream -- «black redistribution». The peasant community was reborn, but she died being unable to any resistance.

Михаил Масловский / Mikhail Maslovskiy (*maslovski@mail.ru*)

Неовеберовские и поствеберовские подходы в социологии революции

Российская революция 1917 г. и ранний советский режим рассматривались с позиций неовеберовской социологии в работах С. Бройера. Этот социолог попытался продемонстрировать значение веберовского анализа различных форм коммунизма для понимания революционных событий в России. В числе таких форм им выделены аграрный коммунизм крестьянства, коммунизм революционной армии и утопический коммунизм интеллигенции. Согласно Бройеру, ранний большевистский режим представлял собой особую форму харизматического господства. Он использует понятие «харизма разума», которое Вебер разработал применительно к французской революции 1789 г. Как утверждает Бройер, большевистский режим, стремившийся преобразовать российское общество на основе рационального планирования, может считаться воплощением такого рода «харизмы разума». Теоретические основы поствеберовской социологии революции были заложены в трудах Ш. Эйзенштадта, рассматривавшего модернность как культурный проект, который сформировался под влиянием идей Просвещения. Реализация данного проекта осуществлялась, прежде всего, в политической сфере. Эйзенштадт уделяет особое внимание воздействию революций на формирование современных обществ. В своем анализе революций он обращается к анализу якобинской идеологии в революционной Франции, характеризуя якобинство как модель для последующих революционных трансформаций модерности. Согласно Эйзенштадту, якобинские элементы можно обнаружить в различных политических формах модерности, но в наибольшей степени они представлены в левых революционных движениях, включая большевизм. Поствеберовская социология революции получила дальнейшее развитие в работах Й. Арнасона. Этот ученый использовал понятие «имперской революции» в ходе анализа советского и китайского коммунистических режимов. Он сосредоточил внимание на переплетении имперского наследия и революционной идеологии в указанных двух случаях. Кроме того, этот социолог подчеркивает необходимость разработки новых подходов к феномену революции, позволяющих учитывать многообразие революционных процессов в XX веке. Арнасон считает наиболее перспективным развитие цивилизационного подхода, сформулированного Эйзенштадтом. В целом поствеберовская историческая социология позволяет по-новому взглянуть на роль революций в становлении современных обществ.

Neo-Weberian and Post-Weberian Approaches in Sociology of Revolution

The Russian revolution of 1917 and the early Soviet system were discussed from a neo-Weberian theoretical perspective by Stefan Breuer. This sociologist tried to demonstrate the relevance of Weber's analysis of communism for understanding the Russian revolution and its consequences. According to Breuer, the Soviet political regime represented a specific form of charismatic domination. He refers to the concept of charisma of reason which was applied by Weber to the French revolution of 1789. Breuer argues that the Bolshevik regime that tried to reconstruct the whole society according to a rational plan could be considered the embodiment of such charisma of reason. The theoretical foundations of post-Weberian sociology of revolution have been elaborated by Shmuel Eisenstadt who regards modernity as a cultural project that was formed under the influence of Enlightenment. Realization of this project was carried out mostly in the political sphere. Eisenstadt devotes particular attention to the impact of revolutions upon the formation of modern societies. In his comparative study of revolutions Eisenstadt considers the Jacobin ideology in revolutionary France. In his view, Jacobinism set a paradigm for revolutionary changes of modernity. According to Eisenstadt, the Jacobin components could be found in different political forms but they developed first in 'leftist' revolutionary movements including Bolshevism. Post-Weberian sociology of revolution has been developed by Johann Arnason. This scholar employs the concept of 'imperial revolution' in an analysis of Soviet and Chinese communism. He focuses on interaction and entanglements of imperial legacies and revolutionary processes in these two cases. Arnason regards further elaboration of the civilizational approach to revolutions developed by Eisenstadt as a promising avenue of research in this sphere. Overall, post-Weberian historical sociology provides new insights on the role of revolutions in formation of the modern world.

Мария Мацкевич / Maria Matskevich (*mmatskevich@yandex.ru*)

Память о революции 1917 г.: кто и как помнит?

В последнее десятилетие тематика социальной (коллективной, исторической памяти) привлекает все большее внимание отечественных исследователей разных дисциплин. Традиционная проблематика этой области – каковы различия в содержании этой памяти (если они есть) между социально-демографическими, статусными, профессиональными и т.д. группами? Какие представления, какие образы событий и исторических деятелей существуют? Какие акторы памяти действуют в этом пространстве, каковы особенности исторической политики в настоящее время и как она влияет/не влияет на содержание коллективной памяти?

В предлагаемом докладе будет рассмотрена дифференциация представлений о Российской революции в историческом сознании жителей страны, а также динамика таких представлений за последние десятилетия на основе данных общероссийских репрезентативных опросов.

Особенностью памяти о революции является то, что подавляющее большинство сограждан считают это событие важным, заслуживающим памяти и при этом большинство правильно называет дату события. Согласно данным опросов, есть лишь два события в истории страны, относительно которых есть такое же согласие (подавляющее большинство считает важным и одновременно знает даты события): Великая Отечественная война и Октябрьская революция.

Однако, как и в отношении Великой Отечественной войны, содержание памяти о революции ставит перед исследователем сложные задачи. Какие образы революции существуют, какое значение ей приписывается, какие деятели олицетворяют ее в массовом сознании?

Данные общероссийских опросов демонстрируют, что за пределами знания дат, каким-либо релевантными представлениями о революции обладают лишь немногие граждане, в основном представители старших поколений и обладатели высшего образования. Представления о революции, ее образы претерпели минимальные изменения за последние десятилетия. Этот факт заслуживает внимания, поскольку известно, что базовые представления об общественно-политических событиях формируются в период обучения в школе, а школьные учебники истории изменились довольно значительно. В докладе будут предложены возможные интерпретации такой ситуации.

Russian Revolution of 1917: who remember and why?

Social (collective, historical) memory studies had become a large interdisciplinary field over the last decades in Russia. There are main research issues sociologists may contribute to this field: how social, cultural, professional, generational groups vary for that matter? What images of historical events and persons people share? Who are main actors in that field? Does a state historical politics have an impact and to what extent?

Based on opinion polls data, differences in memories about the Russian revolution and their changes over the last decades will be presented in the proposed paper.

The overwhelmed majority of Russian people consider the Revolution a very important event and know its basic dates. There are only two events of the Russian history which considered important by almost everyone and a public knowledge about those events is omnipresent – that is the Socialist Revolution of 1917 and the Great Patriotic War of 1941-1945.

However, meanings and images of the Revolution shared by public are still subjects to study. Russian opinion polls data show that specific representations of the event are in shortage. There are rather older generations and those with a higher education who have such representations yet not all of them. Besides, the public representations of the Revolution have little changed over the last decades. That fact gives a meaningful information to scholars because basic notions of history are developed mainly when people study at school, and history textbooks have been considerably rewritten within last years. Some possible interpretations will also be suggested.

Михаил Мусафиров / Mikhail Musafirov (*musafirov15@yandex.ru*)

ГАПОУ «Орский индустриальный колледж», Орск, Россия / Orsk Industrial
College, Orsk, Russia

Система внешкольного воспитания как послереволюционная новация

Октябрьская революция стала рубежом событием в истории России. Большевики рассматривали систему образования не только как инструмент образования и воспитания граждан, но и как инструмент пропаганды своей идеологии. Так внешкольная система стала важнейшим инструментом социализации подрастающего поколения. В 1917 году новая власть включила внешкольное образование в систему Народного просвещения. В 2018 году будет праздноваться 100-летие системы внешкольного воспитания, годом рождения которой считается 1918 год, когда было создано первое государственное внешкольное учреждение «Станция юных любителей природы», открытое в Москве. С 1921 года Главное внешкольное управление становится подразделением Наркомпроса. Его задачей было руководство политической, просветительской и агитационно-пропагандистской работой в духе идеалов новой власти, курирование работы пионерской и комсомольской организаций, выполнявших важнейшую воспитательную функцию – формирование нового советского человека с доминирующими ценностями коллективизма, атеизма и верности марксистско-ленинской идеологии. При этом рубежом событием становится 19 мая 1922 года, а именно, появление Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, которую можно рассматривать как институт защиты завоевания Великого Октября, направленный на подрастающее поколение. При этом в каждый из периодов существования советского государства данному институту уделялось значительное внимание органов власти, что проявилось, в том числе, и в увеличении сети учреждений.

The system additional education as the post-revolutionary innovation

The October revolution was a milestone event in the history of Russia. The Bolsheviks considered the education system not only as a tool of education and upbringing of citizens, but also as a tool to promote ideology. New ideology was necessary for the Soviet authorities to bolster and justify their own political power. So out-of-school system has become the most important instrument of socialization of the younger generation. In 1917, the new government has included non-formal education in the system of National education. Department dealing with extracurricular education was created as a special organization in the RSFSR. In 2018 we will celebrate the 100th anniversary of the system of extracurricular education birth year 1918 which is the year when was created the first public school institution «Station of young nature lovers» in Moscow.

Since 1921 the Main school office becomes a division of the people's Commissariat. His task was to guide the political, educational, and advocacy in the spirit of the ideals of the new government, oversee the work of the pioneer and Komsomol organizations, carrying out important educational function – the formation of the new Soviet man with the dominant values of collectivism, of atheism and loyalty to Marxist-Leninist ideology. In fact an individual of the new era had to be the Builder of communism. Thus in each of the periods of existence of the Soviet state this institution has been given considerable attention of Soviet authorities what was presented, in particular, in increase the network of organizations.

Елена Николаева / Elena Nikolaeva (*elena_nika@bk.ru*)

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия / Social Engineering Kosygin Russian State University of Technologies, Design and Art, Moscow, Russia

Образы революции в рекламном дискурсе конца XX – начала XIX века

Образы революции 1917 года и последующих постреволюционных лет в российском рекламном дискурсе представлены в двух смысловых модальностях: в контексте (ре)конструирования традиций и в рамках постмодернистской культурной парадигмы (пафос и ирония). Особый интерес представляют рекламные мифы, связанные с персонифицированными образами революции (Ленин, Сталин, Чапаев, Махно, Добровolec и др.). В рекламном нарративе эти образы могут транслировать разные социокультурные смыслы, которые определяются семантикой вербальных и визуальных средств, используемых для их репрезентации. Большинство "революционных" аллюзий в рекламе создается художественными приемами постмодернистской цитатности, коллажности, соединения несоединимого. Коллажи на тему революции соединяют значимые символы революционного прошлого с объектами повседневности. Ленин предлагает «пить меньше, да лучше», Буденный несется в компьютерную атаку, Чапаев заедает пиво чипсами и т.п. В плоскость постмодернистской игры переведен ряд плакатов революционной эпохи. Налицо с одной стороны, пародийная рифма к идеологемам революции и деконструкция советского революционного мифа, и, с другой стороны, чистая игра, стилизация, превращающая пародию в абсурд, который в традиционалистском коде прочитывается как кощунство. Самые разнообразные исторические факты, объекты и субъекты революции в рекламе актуализируют историю в семиосфере массовой культуры.

Images of the revolution in contemporary Russian advertising discourse

Images of the revolution and the postrevolutionary years in Russian advertising discourse are represented in two modalities: in the context of tradition (re)construction and in the frames of the postmodern cultural paradigm (pathos and irony). Advertising myths related to personified images of the revolution (Lenin, Stalin, Chapaev, Makhno, Army volunteer, etc.) are of special interest. In the advertising narratives these images can transmit different sociocultural meanings which are determined by the semantics of verbal and visual means used for their representation.

Most of "revolutional" allusions in ads are created with postmodern artistic tools of citations, collages and paradoxical combinations. Collages on the topic of the revolution conjoin significant symbols of the revolutionary past with everyday culture objects. Lenin suggests drinking "less but better", Budenny rushes into a computer attack, Chapaev has chips to beer. A number of revolutionary posters are remade in a postmodern game format.

There is obvious a parody rhyme to the ideologemes of the revolution and deconstruction of the soviet revolutionary myth. On the other hand, it is a pure game, stylization that converts parody into absurd which is read as blasphemy in the code of traditionalism.

Various historic facts, objects and persons of the revolution actualize history in the semiosphere of mass culture.

Екатерина Орех / Ekaterina Orekh (*ek.orech@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / St. Petersburg State University, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Ольга Бойцова / Olga Boytsova (*boitsova@gmail.com*)

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия / Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russia

Революция и Гражданская война в детских рисунках 1917-1918 гг.: социологическая рефлексия (на примере коллекции В.С. Воронова из фонда ГИМ)

Доклад основан на анализе коллекции детских рисунков 1917-1918 годов из фонда Государственного исторического музея. Автор коллекции – В.С. Воронов, в 1910-х гг. работавший преподавателем графических искусств при реальном училище И.И. Александрова и при мужской гимназии им. М.В. Ломоносова в Москве. Мы считаем детские рисунки ценным историческим источником, отражающим восприятие происходящих событий на повседневном уровне. Социологическая рефлексия содержания детских рисунков предполагает обращение к социологическим теориям повседневности и концепту обыденного знания, а также к идеям социального конструкционизма. Детские рисунки - это документ, позволяющий судить о процессе детской политической социализации. Обычно в силу методологических сложностей исследователи игнорируют детей, концентрируясь на иных возрастных группах. Помимо интерпретации содержания, позволяющей наметить основные характеристики процесса детской политической социализации того времени, мы зададимся вопросом об иконографии данных рисунков, что позволяет сделать выводы о значимых источниках формирования детских политических установок и мировоззрения. В детских рисунках отразились визуальные стереотипы из сатирических иллюстрированных журналов, юмористических открыток и других средств визуальной пропаганды той эпохи, которые повлияли на представления детей о том, кто такие «буржуи», «большевики», «меньшевики» и др. В качестве сравнительного материала мы используем отрывки из детских сочинений о Великой русской революции, также собранные В.С.Вороновым в 1917 году. [Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 "Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник"]

Revolution and the Civil war in children's drawings of 1917-1918: sociological reflection (a case of children's drawings collected by V.S. Voronov)

The paper is based on children's drawings stored in the State Historical Museum (Moscow). These drawings were collected by Vasily Voronov who was a Fine Arts teacher in two Moscow boys' schools (Alexandrov's real school and Lomonosov gymnasium) in 1910s. We consider children's drawings a valuable source which reflects reactions to events on a personal and everyday level. Sociological reflection on children's drawings means addressing to sociological theories of the everyday and of mundane knowledge and to ideas of social constructionism. Analysis of drawings allows to discuss children's political socialization. Due to methodological difficulties, researchers of political socialization tend to ignore children, concentrating on other age groups. Interpretation of contents of drawings will allow us to outline the main features of the process of children's political socialization of that time. Besides, iconographic analysis will help to discover potential sources of children's political views. Visual stereotypes of caricatures in satirical magazines and postcards and other means of visual propaganda of the time could be among iconographical sources of children when they decided who were burzhuiys, Bolshevik, Mensheviks etc. As an additional source we use children's essays on the Russian revolution also collected by Voronov and published in two articles in 1927. [The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-83-01003 "The Civil War in Russia in the images of visual propaganda: a reference book"]

Александр Павроз / Alexander Pauvros (*Sash79@rambler.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Российские революции 1917-го года и проблемы формирования демократии в России

Переход от авторитаризма к демократии является очень значимой трансформацией для прогрессивного развития любого общества. Такая трансформация занимает не одно столетие и для России этот путь еще не завершен. Представляется актуальным рассмотрение российских революций 1917-го года в контексте проблематики перехода России от авторитаризма к демократии. В докладе с опорой на современные политологические теории проанализирован широкий круг вопросов конституционализма, избирательного процесса, развития гражданского общества, деятельности ведущих политиков и политических партий периода российских революций 1917 года с точки зрения их влияния на отход от традиционной авторитарной монархической формы правления. Автор раскрывает особенности становления основ новой российской демократии и факторов последующего движения к тоталитаризму. Также автор выявляет преемственность между трудностями перехода к демократии периода российских революций 1917-го года и современными проблемами демократического транзита в России.

The Russian revolutions of 1917 and the problems of the formation of democracy in Russia

The transition from authoritarianism to democracy is a very significant transformation for the progressive development of any society. This transformation has been going on for more than one century, and for Russia this process is not yet complete. In this connection now it is very interesting to consider the Russian revolutions of 1917 in the context of the problems of Russia's transition from authoritarianism to democracy. The report based on modern political theories will analyze a wide range of issues of constitutionalism, the electoral process, the development of civil society, the activities of political leaders and political parties of the period of the Russian revolutions of 1917 in terms of their influence on the departure from the traditional authoritarian monarchical form of government, the formation of the foundations of new Russian democracy and the subsequent movement towards totalitarianism. The author also intends to identify continuity between the difficulties of transition to democracy during the period of the Russian revolutions of 1917 and contemporary problems of democratic transit in Russia.

Сергей Ребров / Sergey Rebrov (*naruto639@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Российские революции в контексте трансформаций символической политики

Изучение наследия отечественных революций 1917 года или, выражаясь языком современной историографии, «Великой Российской революции» является крайне богатой темой для интенсивного исследования. Автор предлагает рассмотреть наследие и память о революции через призму символической политики и её трансформаций в постсоветской России. Данный термин понимается как закрепление в общественном дискурсе определённых видений мира, способствующих легитимации того или иного общественно-политического строя. Основными же элементами любой символической политики являются политические мифы, используемые носителями власти в качестве инструментов легитимации в политической, социальной, культурной и иных сферах. Сами политические мифы представляют собой идеологические конструкты, созданные на основе определённых исторических событий, трактующие их в зависимости от развития политического процесса.

Политический миф о Великой Октябрьской социалистической революции являлся мифом-основанием СССР. При этом Февральская революция в официальном советском дискурсе противопоставлялась Октябрьской, трактуясь лишь как подготовительный этап к реальному революционному процессу. В современной же России элементы символической политики, связанные с трактовкой обеих революций подвергались коренным изменениям. Автор анализирует официальный дискурс, касающийся тематики отечественных революций (в области политики, культуры и тд).

Russian revolutions in the context of transformations of symbolic politics

The history of the two Russian revolutions (both February and October) still remains an extremely topical subject of research in the social sciences. Omitting questions of ideological interpretation, studying the heritage of the domestic revolutions of 1917 or, in the language of modern historiography, the «Great Russian Revolution» is an extremely rich topic for intensive research. The author offers to consider the legacy and memory of the revolution through the prism of symbolic politics and its transformations in post-Soviet Russia. This term is understood as the consolidation in the public discourse of certain visions of the world that contribute to the legitimization of a particular social and political system. The main elements of any symbolic policy are the political myths used by the bearers of power as instruments of legitimation in the political, social, cultural and other spheres. The political myths themselves represent ideological constructs created on the basis of certain historical events, interpreting them depending on the development of the political process.

The political myth of the Great October Socialist Revolution was the founding myth of the USSR dominating at all levels of the political discourse. At the same time the February revolution in the official Soviet discourse was opposed to the October Revolution, being treated only as a preparatory stage for a real revolutionary process. In modern Russia, the elements of symbolic politics associated with the interpretation of both revolutions have undergone radical changes throughout the entire post-Soviet history. In this paper, the processes of changing Soviet political myths during the recent history of Russia were analyzed in detail. The author analyzes the official power discourse on the themes of domestic revolutions (in politics, culture, etc.). It was also considered the change of the submission to certain elements of the symbolic policy, related to the themes of revolutions. A significant part of the work is also an analysis of the scientific and authorial approaches of a number of Russian scientists and politicians, connected with the ideas of revolutionary transformations.

Ольга Сергеева / Olga Sergeeva (*o.v.sergeeva@spbu.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия / St.Petersburg State University, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St.Petersburg, Russia

Герой и враг на «красных» и «белых» плакатах эпохи Гражданской войны в России

Революцию 1917 г. и последовавшую Гражданскую войну в России можно рассматривать как этап в развитии массовой пропаганды. Идеологическое противостояние «красных» и «белых» проявилось в языке плакатов и листовок, причем «плакатная» война «красных» хорошо изучена и отражена в работах по советскому агитационному искусству, в то время, как средства пропаганды «белых» не часто становились объектом анализа. Данный доклад нацелен на сравнение образов героев и врагов на плакатах противоборствующих сторон. Автор выделяет типичные образы героев (солдат, офицер, рабочий, реальные исторические персоны и т.д.) и типичные образы врагов (у «красных» – капиталист, кулак, священник и т.д.; у «белых» – матрос и красноармеец, представители этнических групп и т.д.). Эти образы сравниваются как с точки зрения используемых визуальных клише, визуальных метафор, так и с точки зрения востребованности знаков четырех визуальных парадигм начала XX века (иконопись, лубок, журнальная карикатура, живопись авангарда). Автор предполагает, что широта диапазона использованных знаков при создании плакатов способствовала силе убеждения. Выводы автора о «красных» и «белых» плакатах основываются на современных когнитивных исследованиях, объясняющих рецепцию и интерпретацию изображений. [Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 "Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник"]

Hero and enemy on the «red» and «white» posters from the russian revolution and civil war

The Russian Revolution of 1917 and the civil war that followed could be examined as stages in the development of mass propaganda. The ideological confrontation between the Reds and the Whites manifested itself in the posters and leaflets language. Red posters are well studied and reflected in works on Soviet agitation art, while the means of «white» propaganda are analyzed not so often. This report is aimed at comparing the images of heroes and enemies on the opposing sides' posters. The author identifies the typical images of heroes (soldiers, officers, workers, real historical persons, etc.). The author considers typical images of enemies: among the Reds we can see a capitalist, a wealthier peasant (kulak), an Orthodox priest, etc.; a sailor, a Red Army soldier, representatives of ethnic groups, etc. are depicted as enemies of the Whites. These images are compared both in terms of visual clichés, visual metaphors, and in terms of the use of the signs from four visual paradigms of the early 20th century – the icon, the lubok, the caricature, the avant-garde art. The author suggests that the range of symbols which were used in posters creation had an impact on the power of persuasion. The author's conclusions about the «red» and «white» posters are based on modern cognitive studies explaining the reception and interpretation of images. [The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-83-01003 "The Civil War in Russia in the images of visual propaganda: a reference book"]

Константин Тарасов / Konstantin Tarasov (*Senderkeeper@mail.ru*)

«Отрицательная селекция» как фактор революционного кризиса в Петроградском гарнизоне в 1917 году

П.А. Сорокин в своей классической работе «Социология революции» предложил термин «отрицательная селекция». Он писал о том, что гражданские войны уносят прежде всего наиболее энергичных и стойких по своим убеждениям, в то время как равнодушные и малоразвитые «остаются в тени» и гибнут в меньшем размере. Период между Февралем и Октябрем 1917 года был в меньшей степени связан с физическим уничтожением наиболее активных членов общества. Однако подобный термин можно применить по отношению к процессам, происходившим в тыловых гарнизонах России, в том числе и в Петрограде. В период подготовки Июньского наступления на фронте на призыв Временного правительства откликнулись те, кто поддерживал продолжение войны. Те же солдаты, которые разделяли антивоенные настроения, оставались в тылу. Таким образом, в период мая-июня с отправкой маршевых рот в Петрограде увеличивалась доля солдат, которые не разделяли идеи продолжения войны. Итогом этого процесса стало антиправительственное восстание в июле 1917 года. После того, как выступление было подавлено, началось наведение порядка и восстановление дисциплины в Петроградском гарнизоне. В связи с тем, что большая часть наиболее активных сторонников и противников Временного правительства были отправлены на фронт, градус политической борьбы в столичных запасных батальонах значительно упал. С большим трудом большевикам и их союзникам удалось мобилизовать своих сторонников для свержения Временного правительства в октябре 1917 г. Большинство же воинских частей в Октябрьские дни заняли нейтралитет. Новые власти активно использовали своих сторонников из Петроградского гарнизона для формирования добровольческих отрядов для подавления контрреволюционных выступлений на внутреннем фронте. С каждым новым выведенным из столицы отрядом добровольцев усиливалась апатия среди оставшихся в столице. Использованный подход позволяет объяснить изменение отношения Петроградского гарнизона к большевикам и их союзникам с февраля 1917 г. по март 1918 г., не сводя его к вопросу о «большевизации» или «разложению» армии.

«Negative selection» as a factor of the revolutionary crisis in the Petrograd garrison in 1917

P.A. Sorokin in his classic work «Sociology of the Revolution» proposed the term «negative selection». He wrote that civil wars primarily take the most energetic and persistent in their convictions, while indifferent and uncultivated «remain in the shadows» and die in a smaller size. The period between February and October 1917 less associated with the physical destruction of the most active members of society. However, such term can be applied to the processes that took place in the rear garrisons of Russia, including the Petrograd. During the preparation of the June offensive those who supported the continuation of the war responded to the appeal of the Provisional Government. At the same time soldiers who shared anti-war sentiment remained in the rear. Thus, during the period of May-June, while reinforcements were sending to the frontline, the proportion of soldiers who did not share the idea of continuing the war increased. The result of this process was an anti-government uprising in July 1917. After the insurrection was suppressed, the establishment of order and the restoration of discipline began in the Petrograd garrison. Most of the participants of the July events were arrested or sent to the front. Due to the fact that the most active supporters and opponents of the Provisional Government were send away from Petrograd, the degree of political struggle in the reserve battalions significantly fell. It was great difficulty for the Bolsheviks and their allies to mobilize their supporters for overthrowing the Provisional Government in October 1917. Most of the military units that days took up neutrality. The new authorities actively used their supporters from the Petrograd garrison to form volunteer units to suppress counter-revolutionary actions on the internal front. With each new detachment of volunteers withdrawn from the capital, apathy increased among those who stayed in the capital. This approach makes it possible to explain the change in the attitude of the Petrograd garrison to the Bolsheviks and their allies from February 1917 to March 1918 without reducing it to the question of «Bolshevization» or «disintegration» of the army.

Григорий Тульчинский / Grigorii Tulchinskii (*gtul@mail.ru*)

НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, Россия / NRU Higher School of Economics – St. Petersburg, Russia

Буржуазная революция в России: проблема завершения

Термин «буржуазная революция» понимается в буквальном историческом смысле, как приход к власти горожан – закономерный этап развития цивилизации. С буржуазными революциями связано и формирование национального самосознания, как именно гражданской идентичности (слово «гражданин» восходит в европейских языках к слову «горожанин»).

Эти процессы выразились в России после Великой реформы и последовавшем начале реальной модернизации. После Октябрьского манифеста 1905 года Россия получила парламент, возникли партии, активно началось формирование законодательства.

Следующая фаза Российской буржуазной революции питалась несостоятельностью царизма в 1-й мировой войне. Более того, она сама оказалась обессилена этой войной, и была сметена Октябрьским переворотом, в котором большевики возглавили, фактически, крестьянскую революцию. Капиталистическая модернизация отвергалась в принципе, как и ее основа – частная собственность. Дальнейшие события продолжили парадоксальность российского вхождения в модерн. Советский режим укрепился не только и не столько победой в Гражданской войне, сколько экономическими успехами НЭПа. Однако выборы 1925 года показали шаткость позиций большевиков, поэтому «Великий перелом» 1929 года имел политическую мотивацию разгрома социальной базы оппозиции. «Пролетарская» партия взяла курс на индустриализацию. Индустриализация разорила деревню, но резко увеличила численность городского населения. Тем самым, было обеспечено решение ряда классических задач модернизации. Победа в Великой отечественной войне и ликвидация разрухи консолидировали общество. Это общество приобрело к 1960-х годам предпосылки для перехода в общество массового потребления. Большую часть населения страны уже составляли горожане. Именно они поддержали горбачевскую перестройку и либеральные экономические реформы. Но отмена руководящей роли КПСС привела к тому, что этно-федералистский дизайн неожиданно наполнился реальным содержанием. Это содержание было именно национально-буржуазным. Отчасти это было новой волной буржуазной революции.

Bourgeois revolution in Russia: the problem of completion

The term «bourgeois revolution» is understood in the literal historical sense, as the coming to power of the citizens – a natural stage of development of civilization. Bourgeois revolutions generate the formation of nations, national identity, civil identity. These processes were started in Russia after the Great Reform and the beginning of real modernization. This found political expression in the October 1905 manifesto. Russia received the parliament, there were parties, the legislation formation of began actively. The First World War caused an unprecedented wave of national patriotism. The tsarist regime proved to be untenable in the war. The next phase of the Russian bourgeois revolution was already fueled by this weakness in February 1917. Moreover, she herself was exhausted by this war, and was swept away by the October coup, in which the Bolsheviks led, in fact, the peasant revolution. Capitalist modernization was rejected in principle, like its foundation – private property. Further events continued the paradoxes of the Russian entry into modernity. The Soviet regime was strengthened not only and not so much by the victory in the Civil War as by the economic successes of the NEP. However, the elections in 1925 showed the shakiness of the Bolsheviks positions, the prospect of resistance to the peasantry and the emerging new middle class. Therefore, the «Great Break» of 1929 had a political motivation for destroying the social base of the opposition. «Proletarian» party headed for industrialization.

Industrialization ruined the villages, but dramatically increased the urban population. Thus, classical modernization tasks were solved, including new education, social elevators, gender equality. The victory in the Great Patriotic War and the devastation elimination ensured the society consolidation. This society acquired by the 1960s the prerequisites for a transition to a society of mass consumption. Most of the population of the country was already made up by town people, citizens. It was they who supported Gorbachev's perestroika and liberal economic reforms. But the abolition of the leading role of the CPSU led to the fact that the ethno-federalist design was unexpectedly filled with real content. This content was precisely national-bourgeois. In part this was a new wave of the bourgeois revolution.

Гульшат Уразалиева / Gulshat Urazalieva (*urazalieva@bk.ru*)

Революции 1917 года глазами современных студентов-москвичей

В преддверии 100-летия революции в России студентам РГГУ на лекции я дала домашнее задание написать эссе, ответив на вопрос: «Как вы оцениваете октябрьские события 1917 года?». В 130 текстах студентов 1 и 4 курсов 2-х факультетов: социологического, управления и Института психологии была даны положительные и отрицательные оценки событию. Предполагалось, что событие, названное в истории СССР как Великая Октябрьская Социалистическая революция, будет оцениваться по разным основаниям. В результате анализа тестов были получены ответы на вопросы: об отношении к революции. Октябрьские события были определены как: «Октябрьская революция», «Великая Октябрьская социалистическая революция», «революция». Другим термином был «переворот», который иногда сочетался с определениями как «революционный, октябрьский, вооруженный». Негативные оценки были выражены в терминах: «вооруженное восстание», «заговор», «захват власти», «смена правительства», «развал российской империи», «смена политического и экономического строя». Студенты упоминали исторический масштаб, влияние на отечественную и мировую историю, поворотный путь в историческом развитии, на раскол мира на две системы: капитализм и социализм. В построении социализма в СССР они находили позитивные стороны – бесплатное и всеобщее образование и медицина, обеспеченность работой, сохранении страны, развитие культуры, науки, и даже расширение ее территории. 75% студентов в основном дали различные оценки революции. Четверть студентов написали, что затрудняются и отказываются оценивать эти события, потому что, во-первых, не были их участниками, не наблюдали, не беседовали сами с очевидцами. Во-вторых, что острое противоречие в 1917 году не дает возможности однозначной оценки. В-третьих, есть разные позиции, которые оценивают события с противоположных позиций, в том числе и В.И. Ленина. Большинство оценок события были отрицательными. Амбивалентными были оценки у 12% студентов. 19% однозначно оценивают революцию только отрицательно, указывая на разрушительные последствия Гражданской войны, на уничтожение царской семьи, насаждение атеизма. Они писали о событиях как трагедии для народа, порожденной Первой мировой войной.

1917 Revolutions as seen by Moscow students

With 100th anniversary of 1917 Russian revolutions approaching, I asked my 130 undergraduate students at the Russian State University for the Humanities (Department of Sociology, Department of Management, and Institute for Psychology) to write an essay discussing their opinion on the revolutionary events of October, 1917. They were to write how they see it, as well as its historical causes and consequences. The event, officially known in Soviet literature as the Great October Socialist Revolution, was defined in their essays as the “October Revolution”, “Great October Socialist Revolution”, and “Revolution,” as well as the “coup” (in some cases “revolutionary coup”, “October coup”, or “armed coup”). “Armed rebellion”, “conspiracy”, “seizure of power”, “change of government”, “destruction of the Russian Empire”, and “change of political and economic systems” were among the negative definitions. The students mentioned its historic scope, its consequences for the Russian and global history, a radical change in historic development, division of the world into two systems (capitalism and socialism). They have pointed out some benefits of the socialism in the USSR, including universal free education and healthcare, employment, preservation of the country, development of culture and science, and even territorial expansion. 75% of the students gave the revolution differing assessments. A quarter of the students wrote they couldn’t or wouldn’t assess it for a number of reasons. Firstly, they didn’t participate in the events and didn’t have a chance to talk to its eye-witnesses. Secondly, due to deep social differences of 1917 it’s impossible to give it a definitive assessment. Thirdly, there are different points of view, including that of Lenin, that see those events differently. Most students see it negatively. 12% of the students have an ambivalent opinion, mentioning a number of positive consequences of the Revolution. 19% see it strongly negatively, pointing out devastating consequences of the Civil War, execution of the Romanov family, and promotion of atheism. They believe it to be a result of the World War I and a tragedy for the people.

Юлия Уханова / Yuliya Ukhanova (*ukhanova4@rambler.ru*)

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия /
Vologodsky Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Vologda,
Russia

Елена Смолева / Elena Smoleva (*Riolenas@rambler.ru*)

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия /
Vologodsky Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Vologda,
Russia

Социальное самочувствие в условиях кризиса: адаптация регионального сообщества к новым условиям

Доклад посвящен проблеме адаптации современного общества к кризисной реальности. В качестве основного индикатора, отражающего уровень адаптационных процессов, используется категория «социальное самочувствие». На основе мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН с 1996 г. на территории Вологодской области, анализируется изменение социального самочувствия жителей региона на протяжении 2000-х гг. Основное внимание уделяется кризисным периодам: 2008–2009 гг., а также 2014–2016 гг. Выявлено, что кризис 2014–2016 гг. не повлек за собой резкое ухудшение эмоционального фона и психического здоровья, как в 2008–2009 гг., о чем свидетельствует положительная динамика в уменьшении доли людей с проявлениями психических расстройств в виде тревоги, депрессии и неврозов; улучшение социального настроения и т.д. Вместе с тем адаптационные процессы по-разному протекали среди отдельных социально-демографических групп, прежде всего в зависимости от их уровня благосостояния. Получен вывод о том, что современной спецификой адаптации общества к кризисным явлениям является привыкание населения к неудовлетворительному положению из-за длительности проблем социально-экономического характера, сопровождающееся ростом у людей неуверенности в будущем, привычкой жить «сегодняшним днем» и снижением потенциальной протестной активности.

Social well-being in the conditions of crisis: adaptation of regional community to new conditions

The speaker paper is devoted to a problem of modern society's adaptation to crisis reality. As the main indicator reflecting the level of adaptation processes the category "social well-being" is used. On the basis of monitoring of the public opinion which is carried out ISEDT RAS since 1996 in the territory of the Vologda region change of social well-being of inhabitants in the region for the 2000th is analyzed. The main attention is paid to the crisis periods – 2008-2009 and also 2014-2016. It is revealed that crisis of 2014-2016 hasn't caused sharp deterioration in an emotional background and mental health, as in 2008-2009 what positive dynamics in reduction of people's share with displays of mental disorders in the form of alarm, depression and neuroses testifies to; improvement of social mood, etc. At the same time adaptation processes differently proceeded among separate social and demographic groups, first of all depending on their welfare. A conclusion that modern specifics of society's adaptation to the crisis phenomena is the accustoming of the population to unsatisfactory situation because of duration of problems social and economic character which is followed by growth at people of uncertainty in the future, a habit to live for "today" and decrease in potential protest activity is received.

Ольга Филатова / Olga Filatova (*filatovo@gmail.com*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Алена Тарасова / Alena Tarasova (*tarasova_aloyna@mail.ru*)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия / St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Содержание российских печатных СМИ 1917-1922 гг. как фактор формирования новой политической культуры

В докладе представлены выводы о коммуникативных приемах и методах формирования новой политической культуры в период с 1917 по 1922 годы, основанные на контент-анализе российских печатных периодических изданий, относящихся к указанному периоду. Анализ печатных СМИ обоснован ростом грамотности населения России к 1917 году. Для контент-анализа были выбраны три ежедневных газеты пробольшевистской направленности: «Петроградская Правда» (г. Петроград), «Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов» (г. Петроград), «Власть труда» (г. Иркутск). Анализировались заголовки статей указанных выше изданий за исключением полос для объявлений и рекламных блоков. Учитывались как количественные показатели, так и эмоциональный контекст публикаций. В качестве дополнительного источника знаний о методах формирования политической культуры в период 1917-1922 гг. использовался также вторичный анализ данных. Выявлено, что для достижения цели формирования качественно новой и кардинальной отличной от предыдущей политической культуры правительство Советской России нередко прибегало к методам манипулирования, большинство из которых нельзя назвать легальными и этичными. Однако некоторые инструменты и подходы, используемые как пробольшевистскими, так и оппозиционными изданиями, актуальны и в настоящее время.

Russian Print Media Content of 1917-1922 as a Factor of the Formation of a New Political Culture

The article will present some conclusions on communicative techniques and methods of the formation of a new political culture in the period from 1917 to 1922, based on the content analysis of Russian printed periodicals related to that period. Analysis of the print media is justified by the growth of literacy of the population in Russia by 1917. For the content analysis, three daily pro-Bolshevik newspapers were selected: Petrogradskaya Pravda (Petrograd), Izvestia of the Petrograd Soviet of Workers' and Red Army Deputies (Petrograd), Labor Power (Irkutsk). The headings of the articles in the newspapers mentioned above were analysed except for bands for ads and commercials. Both quantitative indicators and the emotional context of publications were taken into account. Secondary data analysis was also used as an additional source of knowledge about methods of formation of political culture in the period of the 1917-1922. It was revealed that in order to achieve the goal of building a qualitatively new and different from previous far-reaching political culture the Government of Soviet Russia often resorted to methods of manipulation, most of which cannot be called legal and ethical. However, some of the tools and approaches used by both Pro-Bolshevik and opposition publications are relevant at the present time.

Жэньхэнь Чэнь / Jenheng Chen (*chenluda@mail.nctu.edu.tw*)

Государственный Чао Тунь Университет, Тайвань / National Chao Tung University, Taiwan

Историк и революция: идеология историка С.Ф.Платонова как парадигма русской интеллигенции

Доклад посвящается русским историкам начала XX века, рассматриваются их идеи, связанные с революцией, и как они непосредственно, либо косвенно участвовали в революционной деятельности. Общественная элита формируется в различных отраслях. В России, особенно начиная с XIX века, многие представители элиты активно участвовали в социально-политических реформах. К так называемой «русской интеллигенции» принадлежали мыслители, философы, публицисты. Их дискуссии неизбежно строились на базе исторических взглядов. К сожалению, мало кого из интеллигенции считали профессиональными историками, которые изучали, преподавали историю и имели богатые исторические взгляды. Данный доклад пытается рассмотреть роль историков во время революции (до и после 1917 года).

Поскольку в дореволюционное время видные русские историки находились в двух главных городах, в Москве и Санкт-Петербурге, в докладе рассматриваются историки из этих двух столиц России. Принято считать, что в это время сложились московская и петербургская исторические школы. Если московские историки уделяли больше внимание теории, то петербургские историки делали акцент на самих исторических источниках. Тем не менее, историки обеих школ строили свои политические позиции не только на основе научного опыта, но и в культурных традициях своих городов. В центре внимания автора - фигура С. Ф. Платонова (1860-1933), который стал одним из немногих известных историков петербургской школы, переживших Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну и коренные культурные преобразования, происходившие в СССР. Интерес представляют социально-политические воззрения С.Ф.Платонова.

Historian and Revolution: Sergey Platonov's ideology as a paradigm of the Russian intellectuals

This report is dedicated to Russian historians of the early twentieth century, examines their ideas related to the revolution, and how they directly or indirectly participated in revolutionary activities. The social elite has a place to be in various fields. In Russia, especially since the XIX century, the elite actively participated in socio-political reforms that deserved to be named «Russian intelligentsia». To the group of intelligentsia belonged thinkers, philosophers, and publicists. Their discussions were inevitably built on the basis of historical views. Unfortunately, few of the intelligentsia were considered professional historians who studied, taught history and had rich historical views. This report attempts to examine the role of historians during the revolution (including before and after 1917).

The proposed report consists of the following parts: introduction, thoughts and activities of historians, and conclusion. Since pre-revolutionary times prominent Russian historians were in two major cities, Moscow and St. Petersburg, so the report also examines the historians from these places. It is generally accepted that at the same time Moscow and St. Petersburg historical schools were formed. And if Moscow historians paid more attention to theory, St. Petersburg historians emphasized the sources themselves. Nevertheless, the historians of both schools built their political positions not only on the basis of scientific experience, but also in the cultural traditions of their cities. One of the most famous revolutionary figures was the leader of the cadets P. N. Milyukov, who was from Moscow. Although St. Petersburg historians, such as A. S. Lappo-Danilevsky and S. F. Platonov, apparently did not participate in social movements, but they occupied important scientific positions of the former capital, their ideas and behavior could also become a paradigm of the intelligentsia of the revolutionary period. In this report I would like to try to understand what political views historians adhered to, and how they influenced the paradigm shift of historiography and social reforms of the revolutionary era.

Розалия Черепанова / Rozaliya Cherepanova (*rozache@mail.ru*)

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия /
South-Ural State university, Chelyabinsk, Russia

Великая столетняя русская революция

Если исходить из понимания модерности как «комплекса социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX-XX вв.» (П. Штомпка), следует признать революции специфическим феноменом и одним из путей модернизации. Этот путь используется тогда, когда возможности других путей (эволюционного или реформистского) исчерпаны или заблокированы. Революция, в отличие от бунта или переворота, типологически жестко привязана к Новому времени. Ее целью выступает «отверзание ворот» для таких «буржуазных» процессов, как индустриализация, урбанизация, рационализация, бюрократизация, демократизация, индивидуализм, утверждение светского сознания и доминирующая роль научного знания.

Русскую революцию традиционно принято было ограничивать началом XX века. Однако, оглядываясь на советский и постсоветский опыт из исторической перспективы, сбрасывая идеологические и политические клише, представляется возможным говорить о многостадийной русской революции, завершившейся даже не «ельцинскими», но «путинскими» преобразованиями. Эта революция – большой проект по приближению к модерности в стране, где модернизация сверху (Романовых) оказалась крайне противоречивой и несбалансированной, а население реагировало на современные практики эскапистскими страхами и желаниями.

С этих позиций в докладе проанализированы причины и этапы «великой русской революции», а также ее итоги. Отмечены особенности советского и постсоветского модернизационного проекта на разных его стадиях. Данный подход также позволяет в новом свете увидеть и оценить распад Советского Союза.

The Great Centenary Russian revolution

The author proceeds from the idea of the revolution as a specific phenomenon and one of the ways of modernization, which is used when the possibility of other ways (evolutionary or reformist) are exhausted or blocked.

Looking back on Soviet and post-Soviet experience from a historical perspective it is possible to talk about multi-stage the Russian revolution, which was ended only in «Putin's» epoch.

From these positions, the report will analyze the causes and stages of the «great Russian revolution» and also its outcome. This approach also allows new light and give new evaluate to the collapse of the Soviet Union. Will be marked some features of Soviet and post-Soviet modernization project at its different stages.

Татьяна Шманкевич / Tatiana Shmankevich (*Taverni0108@mail.ru*)

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия / Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

О контрреволюционности революционного наследия. Феномен советских «революционеро-пятидесятников»

Каким образом, при каких обстоятельствах в советские годы наследие Октября могло маркироваться как контрреволюционное? Рассмотрим случай советского поколения «пятидесятников». Это люди, рожденные в период с 1931 по 1938 год, чей переход от детства к молодости происходил в годы так называемого позднего сталинизма (1945-1956 гг.), который закончился не в результате смерти Сталина, а вследствие разоблачения культа личности на XX съезде КПСС. В работах исследователей протестный потенциал «пятидесятников» чаще всего описывается как фраппирование стилияг или как причастность к литературному андеграунду. В докладе акцент смещается на случаи, когда протест дискурсивно (самоидентификация в качестве революционеро-пятидесятников) и стилистически (участие в подпольном революционном кружке) маркировался участниками как революционный, а государством как контрреволюционный. Таким образом, в фокус исследования попадает бинарность революционный/контрреволюционный. С одной стороны, для советских людей было нормой, что революционные идеалы служили основой советской идеологии. Со школьной скамьи в сознание советского человека революционный путь развития общества индокринировался как путь прогрессивный. С другой стороны, уже в стенах учебных заведений случалась первая перемаркировка этих понятий, когда максималистски воспринятые молодыми людьми революционные коммунистические идеалы клеймились «обществом» как антисоветские, контрреволюционные. Показательно, что подобные истории происходили не только в ведущих советских вузах, отличающихся духом свободомыслия и вольнодумства, но и в стенах советских военных училищ, признанном оплоте тоталитарного режима. Причастность советских военных училищ к протестному движению советских граждан до сих пор ускользала из публичной дискуссии. Тем больший исследовательский интерес вызывает история создания слушателями Рижского высшего инженерно-военного училища подпольного кружка под названием «Революционно-демократическая партия» (1954-1956 гг.).

On counterrevolutionary character of the revolutionary heritage. Phenomenon of soviet “revolutionaries of the fifties”

How the revolutionary heritage of October 1917 was identified as counterrevolutionary one in the Soviet Union? Let us consider the case of the soviet generation of men of the fifties. These people were born since 1931 until 1938 and their transit from childhood to youth happened in the days of so-called late Stalinism (1945-1956), which ended not as a result of Stalin's death, but as a consequence of denunciation of the personality cult at the XXth CPSU Congress. Typically remonstrative potential of men of the fifties is described by the researchers as Stilyagi's baffling or as involvement in the literary underground. In this paper the emphasis is laid on the cases where the protest was identified as revolutionary discursively (self-identification as revolutionaries) and stylistically (participation at underground revolutionary society) by the young people and as counterrevolutionary by the State. Therefore this research revolves around the binarity revolutionary/ counterrevolutionary. On the one hand, for soviet people it was the order of the day that revolutionary ideals as October revolutionary inheritance deemed as ideological roots. Ever since one was at school a soviet man's mind was indoctrinated with idea of progressiveness of the revolutionary way of development, antithesis of backwardness and counterrevolution. On the other hand, the first re-identification of these ideas occurred already within the walls of education establishments, when revolutionary ideals conceived in all-or-nothing mindset were claimed as anti-Soviet, counterrevolutionary by the “society”. It is revealing that similar things happened not only in leading Soviet higher education institutions characterized by the aura of love of freedom and libertinism, but also within the walls of soviet military schools, which were acknowledged bulwarks of totalitarian regime. Involvement of soviet military schools in the protest movement of soviet citizens escaped the public discussion so far. So the greater research interest is attracted to the history of creation of the underground group “Revolutionary-democratic party” by the students of Riga Higher Engineering Military School (1954-1956).